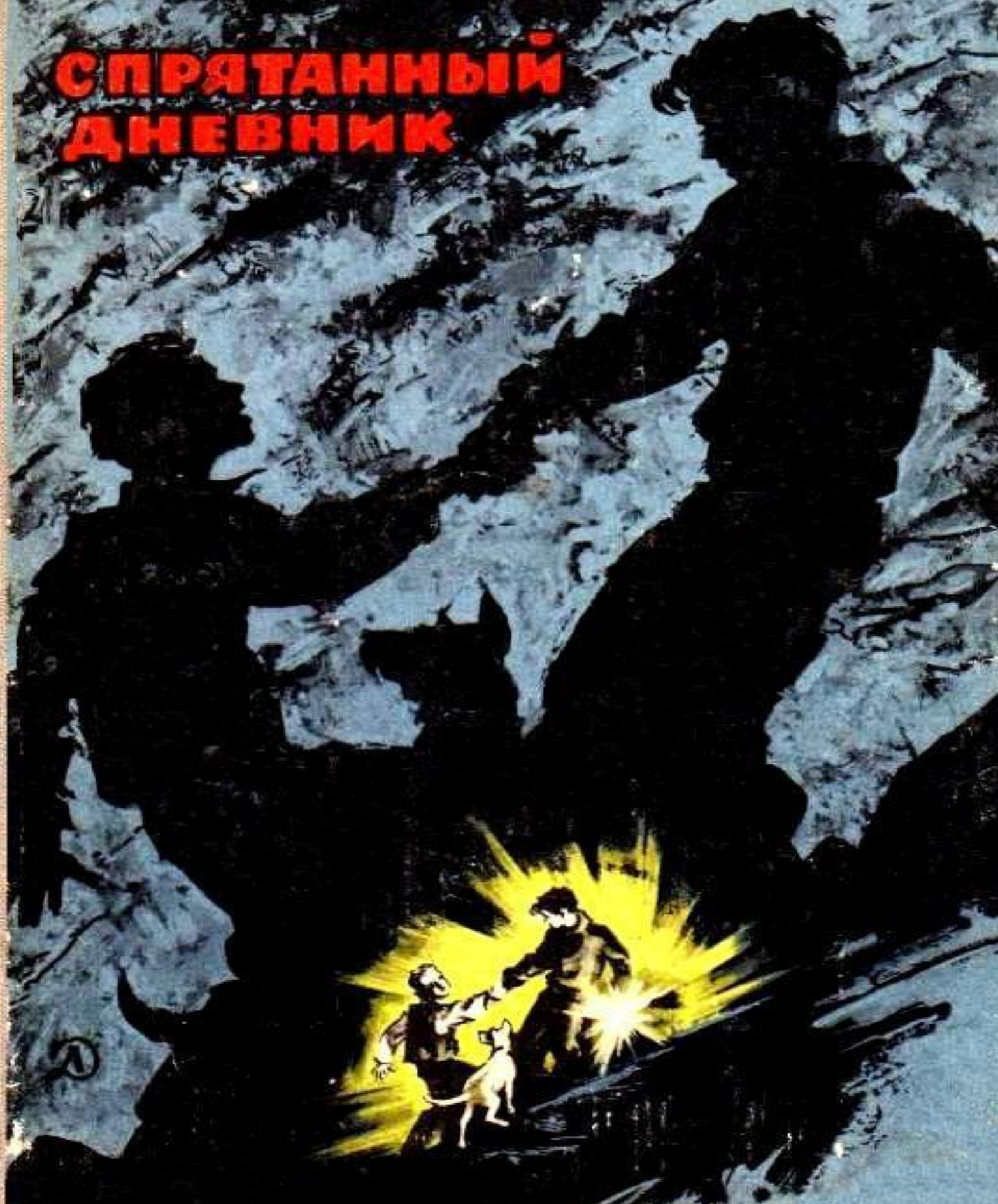

ЛЕОПОЛЬД СУХОДОЛЬЧАН

**СПРЯТАННЫЙ
ДНЕВНИК**

Дорогие ребята! Эта повесть познакомит вас с творчеством известного современного югославского писателя Л. Суходольчана, автора многих популярных в Югославии книг для детей. Большим успехом пользуется у ребят и его повесть «Спрятанный дневник», которую, как нам кажется, с интересом прочтут и наши, школьники.

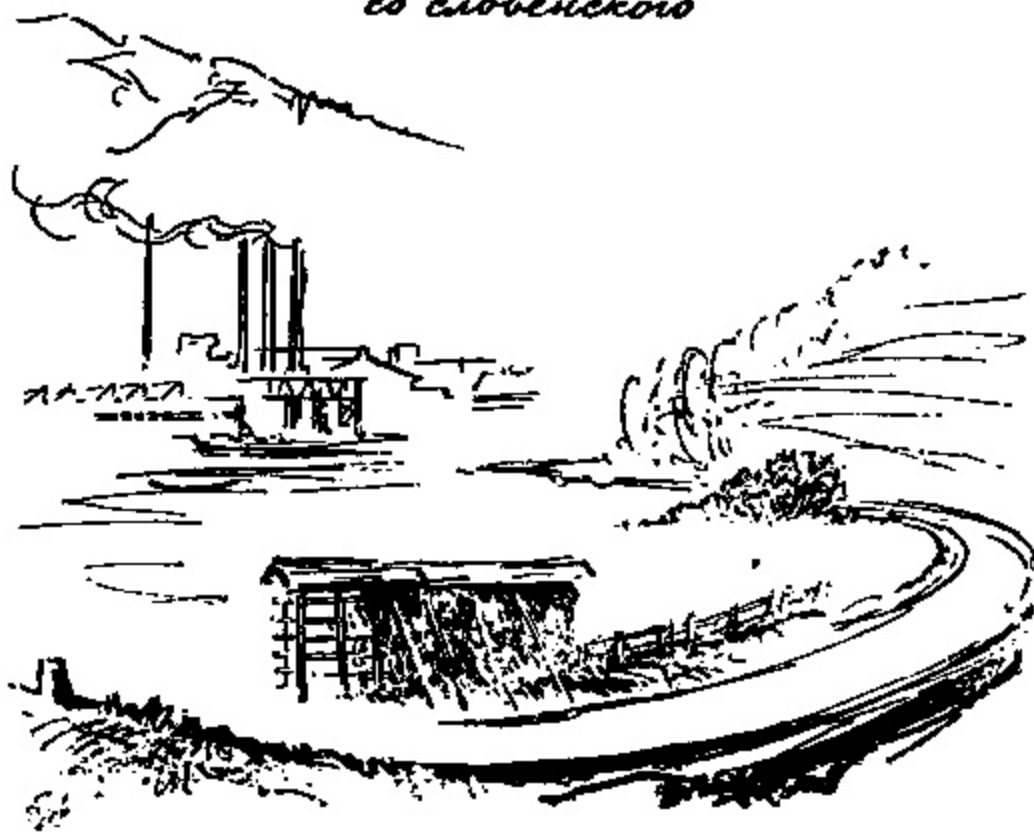

Леопольд Суходольчан

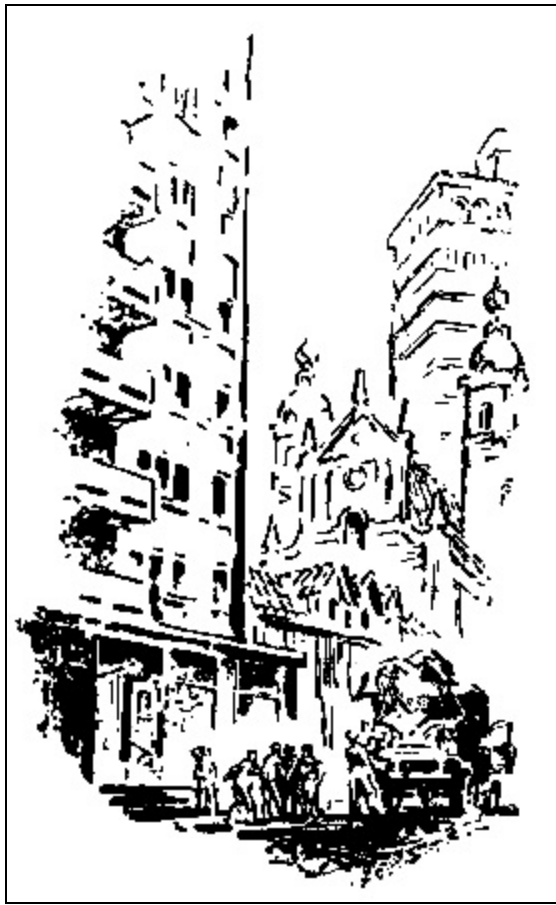

**СПРЯТАННЫЙ
ДНЕВНИК**

ПОВЕСТЬ

*Перевод
со словенского*

Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» Москва 1971

Глава первая

НЕОБЫЧНАЯ ПОГОНЯ

Мирт перестал слушать учителя, увлечённо объяснявшего у доски объём пирамиды. То и дело поправляя левой рукой свои большие дымчатые очки, правой молодой учитель размашисто чертил, стирал и снова чертил геометрические фигуры.

Мирт тихонько складывал в портфель тетрадь за тетрадь. При этом он оглядывался то на четвёртую парту, за которой сидел Душан, то на последнюю, где томился Полтора Мартина, прозванный так за непомерно длинные руки. Те уже были наготове, а Душан даже держал портфель в руке, чтоб, как только раздастся звонок, вылететь из класса сразу за учителем.

«Что им от меня нужно? — встревожился Мирт. — Я же им ясно сказал, что после уроков мне надо сразу домой. Чего они ко мне привязались? А может, у них другое на уме? Кто знает. Во всяком случае, хотят задержать меня после уроков. Не пойду с ними сегодня».

В душе у него поднималась досада, что он не сумел собраться потихоньку от них. Они сейчас выскочат первыми, и ему от них не уйти.

Помог случай.

Учитель вызвал к доске Душана и велел повторить новый урок. Душан мычал, покраснев до ушей, и смотрел с мольбой на класс. Полтора Мартина добросовестно подсказывал ему на пальцах, но Душан не понимал его дикарских знаков.

Наконец прозвенел спасительный звонок. Класс мгновенно зашумел.

Отчитав Душана за невнимательность, учитель взял журнал и стал спускаться с кафедры.

Мирт выиграл время. Прокравшись по стенке к двери, он шмыгнул в коридор вслед за учителем и через секунду уже вихрем мчался по лестнице, слыша за собой топот Мартина.

В вестибюле он притаился за дверью.

«Вдруг заметят!» — со страхом думал он.

Однако Душан и Полтора Мартина уже пробивались сквозь шумную толпу школьников, запрудивших широкий парадный вход.

Когда шум в коридорах утих, Мирт вышел из своего укрытия. Тут его увидел Винко, по прозвищу Улитка, — он всегда и во всём был последний, зато почерк у него был лучше всех в классе.

— А ты чего не идёшь домой? — удивился он.

— Иво жду, — вывернулся Мирт.

— А-а-а, — протянул Улитка и медленно поплёлся по вестибюлю.

Мирт побежал к чёрному ходу.

Не успел он выйти во двор, как услышал за собой быстрые шаги.

— Мирта не видел? — донёсся до него голос Полтора Мартина.

— Видел, — пробормотал Улитка.

— Где?

— Да там, в вестибюле!

Мирт больше не мешкал. Во весь дух припустил он по школьному двору, посмеиваясь

втихомолку над незадачливыми преследователями.

Но вдруг радость как рукой сняло — он понял, что ребята напали на его след.

Не раздумывая, он свернул в боковую улицу. Он хорошо бегал, но сейчас запыхался, не выдержав взятого темпа. В последнее время он мало бегал и зимой не ходил на лыжах, как бывало в прошлые годы. Из-за болезни отца он никуда не мог уезжать.

«А что, если остановиться и подождать их? — подумал Мирт. — Пусть скажут, чего им надо. Надо же, чтоб они привязались именно сегодня, когда мне так нужно домой. Нет, лучше подождать».

Он сбавил шаг и оглянулся. Число преследователей возросло. «Хотят свести со мной счёты! — вдруг осенило его. — Полтора Мартина решил, что это я наябедничал про драку, из-за которой он позавчера не был в школе».

Наконец Мирт выбежал на широкую улицу. Путь его лежал влево, к железнодорожному переезду. Расстояние между ним и ребятами сокращалось. Душан кликнул, чтобы он подождал их.

И тут случилось то, чего Мирт больше всего боялся. Шлагбаум опустился перед самым его носом.

Поток пешеходов, автомобилей, мотоциклов и велосипедов остановился. Самые нетерпеливые стали подниматься на висевший над полотном мостик. Среди них, конечно, был и Мирт. Сломая голову летел он вверх по лестнице, прокладывая себе путь локтями.

Однако на мосту вышла заминка. На последней ступеньке он едва не сбил с ног великана в тёмных очках, который словно нарочно встал на его пути.

От неожиданности Мирт выронил портфель, люди спокойно перешагивали через него, а иные даже наступали на него ногами.

Великан в тёмных очках прислонился к перилам и, заложив руки в карманы, громко смеялся.

Преследователи были уже у самой лестницы, когда, на-конец, Мирту удалось выволить свой портфель из-под ног прохожих. Но тут топот шагов по лестнице заглушил шум вынырнувшего из-за поворота скорого поезда.

Внезапно Мирт почувствовал смертельную усталость.

Свисток паровоза, раздавшийся в тот самый миг, когда он начал спускаться с моста, лишил его последних сил. А когда шлагбаум пополз вверх и у него за спиной снова забурился поток пешеходов, автомобилей и мотоциклов, он совсем пал духом. Бежать он больше не мог и со страхом ждал той минуты, когда Полтора Мартина положит ему на плечо свою тяжёлую руку и скажет: «Вот ты и попался...»

В конце улицы он увидел свой дом. Дом был новый — они переехали сюда в прошлом году. Это был восьмиэтажный дом с призывно смотревшими на него красными балконами. «Нет, только не сдаваться», — спохватился Мирт и стремглав помчался к перекрёстку.

Слух его резанул свисток милиционера, и за его спиной заскрежетали тормоза легковой машины. Шофёр бранился, милиционер кричал что-то ему вдогонку, а он словно безумный во весь дух бежал через дорогу.

Преследователи отстали. Они стояли на той стороне, не решаясь перебежать дорогу на красный свет.

Мирт влетел в парадное, захлопнул массивную дверь и, заперев её, привалился к ней спиной.

Набитый книжками портфель выскользнул у него из рук и грохнулся на пол. Мирт

тяжело дышал, руки бессильно повисли. Надо было подниматься вверх, на шестой этаж. Пойдут соседи, станут спрашивать, что случилось. Но ноги не слушались его.

Ребята уже были у подъезда. Он повернул голову и увидел за матовыми стёклами смутные силуэты. Полтора Мартина изо всех сил налегал на ручку, Душан прильнул носом к стеклу.

С минуту было тихо.

Потом раздался стук. Мирт ещё теснее забился в угол и затаил дыхание.

— Мирт, открой! — услышал он голос Полтора Мартина.

— Открой, мы же знаем, что ты за дверью! — громко закричал Душан. — Нам тебя видно.

— Не съедим же мы тебя, — дружелюбным тоном сказал Полтора Мартина. — Нам надо только тебя кое-что спросить.

К матовому стеклу прилипли носы. Мирт насчитал целых шесть. Носы были раза в два больше, чем обычно. «Нацелились, словно носороги, — подумал Мирт. — Носорогам отпирать опасно. Да и зачем? Я им ничего не должен, и они мне тоже».

Ребята продолжали стучать.

— Слышишь, открой! Здесь человеку пройти надо. Из вашего дома, торопится, — донёсся до него голос Душана.

«На пушку берут», — подумал Мирт и прильнул к стеклу. За дверью были только ребята. Но опасность могла прийти и с другой стороны. Кому-нибудь могло понадобиться выйти из дому. Так что лучше идти скорей домой, пока не поздно.

— Ну и оставайся там, — заговорил Полтора Мартина. — Всё равно от нас не уйдёшь.. Завтра потолкуем с тобой. В школе.

Мирт промолчал. Оставив дверь на запоре, он стал медленно подниматься на шестой этаж. На полпути ему вдруг вспомнилось, почему он с таким нетерпением ждал конца уроков.

В одно мгновение он забыл о своих преследователях и о том, что его ждёт в школе завтра.

Бегом взлетел он на свой этаж. Звонить не пришлось: дверь была не заперта.

В передней стояла мёртвая тишина. Мирт вошёл в кухню. Плита не горела, радиc молчало. В большом окне кружилась первая весенняя муха.

Неожиданно Мирту стало тоскливо. Даже не положив тяжёлого портфеля, словно околдованный царившей в квартире холодной тишиной, он на цыпочках прошёл в комнату.

Мама сидела на кушетке и, подперев голову ладонями, неотрывно смотрела в окно. Мирт вгляделся в её бледное лицо, и ему показалось, что падавшая ей на лоб тень от шторы закрывает солнце.

— Мама!

Она обернулась на голос, но глаза её по-прежнему оставались неподвижными, точно она не видела сына.

Мирт сделал шаг в её сторону и ещё раз вполголоса окликнул её.

— А, Мирт, — вздохнула мама, словно проснувшись. Тень со лба скользнула на пол. — Ты сегодня что-то рано...

— Всю дорогу бежал...

Мама подошла к нему, нагнулась, взяла его набитый учебниками портфель и положила на стол, за которым он всегда делал уроки.

— Мам, тебе сказали что-нибудь? — не утерпев, спросил Мирт.

Только сейчас она окончательно пришла в себя. Тень, незадолго перед тем упавшая с её высокого лба на пол, была уже у неё за спиной.

— Да, сказали... Позвонили... Сегодня мы можем пойти к нему. В час нам надо быть в больнице... Пойдём, пообедаешь...

— Мама!

Она остановилась.

— Значит, отцу лучше?

— Ты же слышал, что нам сказали десять дней тому назад, когда мы были там последний раз... Нас бы не пустили, если б ему не стало лучше...

И она поспешила в кухню разогревать обед. Мирт пошёл за ней.

— Для папы я уже всё приготовила, — тихо сказала мама.

— У меня тоже есть кое-что для него... В воскресенье я сфотографировал черешни за нашим домом... Помнишь, он в последний раз спрашивал, расцвели ли они...

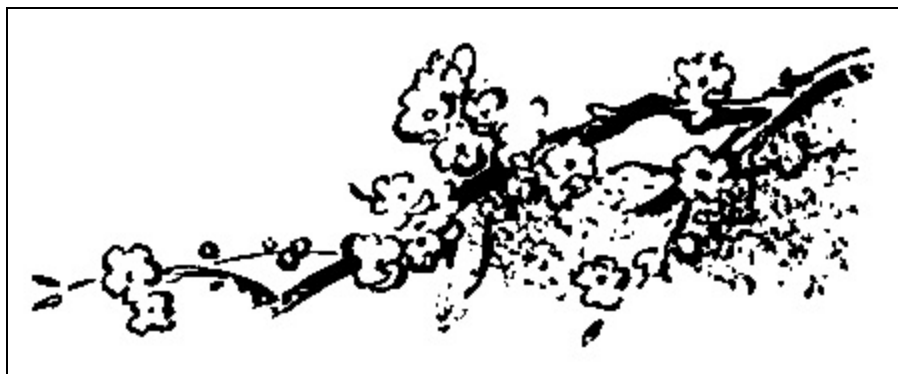
Мирт повернулся к окну.

На просторном дворе росли три молодые черешни, все в цвету.

Первый раз за свою недолгую жизнь они цвели так буйно. Мирт вдруг вспомнил, что отец ещё не видел их цветущими.

И ему стало грустно.

Он равнодушным взглядом проводил своих преследователей, удалявшихся от дома. И даже не слышал, как мама сказала, что обед на столе.

Глава вторая

ТАЙНА ОТЦА

Автобус был набит битком. Казалось, все едут до больницы. Мирт пробрался вперёд, к самому водителю, а мама застряла где-то в середине. Он любил стоять за спиной шофёра и смотреть на бегущую навстречу дорогу. В такие минуты он мысленно садился за руль и гнал машину так, что дух захватывало. Мирт учился в восьмом классе. Это был рослый, широколицый парень с жёсткими, непослушными вихрами. Большие доверчивые глаза его смотрели то грустно, то весело, а порой не по-детски озабоченно и серьёзно. Он не был отличником, на уроках сидел тихо, вопросов не задавал, и всё же учителя знали, что на него можно положиться.

Сейчас Мирт думал об отце. Они не виделись уже целый месяц: не разрешали врачи, считая, что это может повредить больному. В голове Мирта это не укладывалось. Ему казалось, что он бы ещё сильнее разболелся, если б к нему никого не пускали.

Значит, отцу лучше, раз им разрешили навестить его.

Мирт был очень привязан к нему. С тех пор как он помнил себя, отец часто и охотно разговаривал с ним, интересовался его делами. Когда Мирт пошёл учиться, отец был в курсе всех школьных событий, знал про все мальчишеские подвиги. Потом Мирт увлёкся книгами о войне, и отец много рассказывал ему про последнюю войну, а за несколько дней до того, как отцу в последний раз лечь в больницу (почти каждый год он проводил месяц в больнице), они допоздна проговорили о положении негров в Америке.

Негры не могут ездить в одних купе с белыми, не могут учиться с ними в одних школах. (Мирт только что прочитал «Хижину дяди Тома».) После этого разговора он долго лежал без сна, представляя себе, как он на самолёте прилетает в Южные Штаты и начинает героическую борьбу за равноправие негров.

— Мирт! — окликнула его мама. — На следующей остановке выходим.

Мирт оглянулся и, улыбнувшись, кивнул.

У него было такое чувство, будто он не видел отца целую вечность. Пытаясь представить себе отца, его улыбку, он вспомнил, какие удивительно белые руки были у отца последний раз. Тогда отец встретил их на улице, у больничных ворот, а когда они уходили, неподвижно лежал в постели.

Мама протиснулась сквозь толпу и положила руку ему на плечо. Автобус замедлял ход.

На остановке сошли почти все пассажиры.

Мирт и мама, увлекаемые общим потоком, зашагали к больнице.

Мирт взялся за ручки маминой сумки, чтоб помочь ей нести.

Мама, как и всегда, приготовила отцу всякую всячину. Перед уходом она выкладывала всё на тумбочку около его кровати и строго наказывала: «Вот печенье, шоколад, апельсины. Смотри, чтоб всё съесть...» Отец улыбался и кивал головой. Но в последний раз они нашли в тумбочке всё в целостности и сохранности, он даже не притронулся к своим припасам.

По обыкновению, у ворот мама остановилась. Мирт уже ждал, что, как всегда, она ему скажет: «Мирт, не утомляй отца расспросами. Лучше сам расскажи что-нибудь... что-нибудь весёлое...»

Но на сей раз Мирт ошибся.

Мама лишь молча посмотрела на него, и повлажневшие глаза её сверкнули, как листья после дождя. Потом убрала с его лба непослушный чуб и быстро прошла в ворота.

Мирт поспешил за ней.

Мама, как-то вдруг съёжившись и словно похудев, торопливо пересекла большой двор.

Всё в больнице было белое-пребелое: двери, окна, стены, коридоры, сёстры. Только рассыпавшиеся по всему зданию посетители несколько нарушали эту белизну.

Мирт едва поспевал за мамой. На четвёртом этаже её остановила сестра. Она улыбалась, как фарфоровая статуэтка, изображающая богиню Утешения. Отца перевели в другую палату, и сестра проводила их туда.

Палата была маленькая, узкая и длинная, как коридор. В ней стояли четыре кровати. Одна была не занята.

В углу у окна Мирт увидел отца.

Мама кинулась к нему. Мирт, напуганный его видом, замялся в дверях.

Отец очень изменился. В прошлый раз он выглядел куда лучше, хотя был угнетён, мало говорил и за всё свидание ни разу не улыбнулся. Сейчас в лице его не было ни кровинки, глаза провалились, скулы выступили ещё резче, волосы совсем поседели. Но он улыбался и был в самом весёлом настроении. Отец поднял правую руку и поманил Мирта, как бы говоря: «Сын мой, чего же ты ждёшь? Не узнал разве?»

Мирт долго не мог прийти в себя от удивления. Они с мамой сели у его постели.

Мама тоже улыбалась, светлые капельки в её глазах обернулись солнышком.

— Ну как ты? — заговорила мама. — По-моему, тебе гораздо лучше... Как в прошлом году... Почему нас так долго не пускали к тебе?

Отец пожал плечами и спросил:

— Мирт, ты принёс фотографии?

— Конечно, — торопливо ответил Мирт, вытащил из внутреннего кармана конверт с фотографиями и стал вынимать по одной.

Отец сначала быстро посмотрел все, а потом начал внимательно разглядывать каждую в отдельности. Мама и Мирт молча следили за его взглядом.

— Сколько же раз ты фотографировал черешни! — воскликнул отец, не отводя глаз от снимков.

— Ты же хотел посмотреть, как они цветут...

У отца задрожали руки, фотографии упали на одеяло. Мама собрала их.

После некоторого молчания отец спросил:

— Сам, говоришь, проявлял?

— Сам... В школьном кружке... Знаешь, мы в одном кабинете устроили фотолабораторию.

— А ты здорово набил руку.

— У нас хороший учитель...

Больной на соседней койке разразился громким кашлем. Все повернулись к нему.

— Позвать сестру? — предложила мама.

— Не надо. Сейчас пройдёт, — сказал отец.

Больной и вправду вскоре успокоился и закрыл глаза.

— Может быть, поешь? — мягко спросила мама. — Смотри, я принесла тебе яблочный рулет.

— Спасибо, Ана, сейчас не хочется...

— Ты же любишь его.

Отец держал в руке сложенные в пачку фотографии.

— Когда я выпишусь, — сказал он Мирту, — мы поедем на несколько дней в Каринтию... В Поляну... Давно я не был на родине...

— Кристина в каждом письме зовёт... И как это я забыла письмо! Ведь нарочно положила на видное место...

— А мне Петер написал — пап, ты ведь его помнишь? — чтоб я приезжал к ним на каникулы.

— Поедем. Втроём. Ты, мама и я... В конце мая я уже буду дома. В это время в Каринтии самая лучшая пора...

— Было бы только тепло, — озабоченно сказала мама.

— Будет тепло, будет... Солнце будет сиять вовсю...

Какая странная была у отца улыбка!

— Мирт, мы пойдём с тобой на шахту, где я скрывался во время войны, ещё до концлагеря...

— Да, ты всё только обещаешь, — укоризненно протянул Мирт.

— Просто ты был ещё мал... А теперь ты уже совсем взрослый, видишь, даже фотографировать научился. — Тут отец озорно улыбнулся. — Пришло время рассказать тебе всё...

— ...про дневник, который ты вёл, а потом куда-то засунул, — перебил его Мирт.

— Не засунул, а спрятал, чтоб после войны найти... Но, видно, переусердствовал. Сколько потом ни искал, так и не смог отыскать...

— Должно быть, кто-нибудь случайно наткнулся на него и взял, — вмешалась в разговор мама.

— Нет-нет, это исключено, мой дневник ещё в тайнике, я совершенно уверен в этом, — торопливо говорил отец, немного приподнявшись.

Мама подложила ему под спину подушку.

Тайна отца захватила воображение Мирта. Он чувствовал, что не успокоится до тех пор, пока дневник не будет в его руках.

Отец никогда не раскрывался перед сыном до конца. Тайна отца отныне стала и его тайной.

— Я начал вести дневник в сорок первом году, в тот самый день, когда фашисты ступили на нашу землю... Ты не видел ужасов войны, и мои записки расскажут тебе о них...

— Иван, тебе нельзя столько говорить, — попыталась остановить его мама. — Смотри, ты уже весь вспотел...

Мама вынула носовой платок, чтоб стереть блестящие у него на лбу прозрачные капельки пота, но отец сам провёл по лбу рукавом.

— Сначала я один искал дневник, потом мне помогал Травник, мой друг детства и боевой товарищ. И опять впустую... Но ведь где-то он должен быть... Не мог же он испариться. Возможно, я искал его не там, где надо. В лагере у меня ослабела память... Не думаю, чтоб после войны кто-нибудь спускался в шахты — там темно и душно, ведь тридцать лет прошло с тех пор, как последние вагонетки доставили наверх уголь...

— Значит, ты точно не помнишь, куда ты его спрятал?

— Нет... Думаю, что сунул его в какое-нибудь углубление в стенке шахты, но точно не

ПОМНЮ...

— Иван, может, ты немного поешь? — уговаривала его мама. — Я боюсь за тебя, ты сегодня чересчур разговорился.

— Просто я рад вам. Ведь мы так долго не виделись. Что же, мне и порадоваться нельзя? И потом, мне приятно, что у меня уже такой большой и умный сын... Теперь я смогу взять его с собой в шахту...

— Вот здорово... — горячо шептал Мирт.

Отец немного успокоился, и речь его теперь звучала ровнее и тише.

— Дневник был в твёрдой красной обложке, и там оставалось ещё много чистых страниц. Я не успел их заполнить... Но всё равно я прочёл бы его с величайшим удовольствием.

— Я тоже...

Больной на соседней койке опять закашлялся.

— Я встану, — сказал отец. — Выйдем ненадолго на балкон.

— Сестра запретила тебе вставать, — возразила мама.

— Разве? А вчера вечером она внушала мне, что через десять дней я буду дома... Я ненадолго. Дай мне, пожалуйста, халат.

До конца свидания они сидели на залитом солнцем балконе. Разговор как-то не клеился, словно самое главное они уже сказали друг другу. Мирту казалось, что он ещё никогда не видел в глазах отца столько веры и надежды на скорое выздоровление. Только бы дождаться, когда отец выпишется из больницы и наступят летние каникулы. В предчувствии великого события — возможно, самого большого в его жизни — он с трудом выдавливал из себя скупые слова.

Когда пришло время уходить, отец снова разговорился.

— Не оставляй мне ничего, Ана, — сказал он, увидев, что мама выкладывает из сумки домашние припасы, — я ведь скоро буду дома, может быть, даже через неделю.

Он достал из тумбочки кнопки и прикрепил к стене над кроватью лучшую фотографию: молодые черешни в цвету.

— Взгляну утром на эти черешни, — сказал он со спокойной улыбкой, — и почувствую себя дома, с вами...

О дневнике они больше не говорили. Это было дело решённое. Тайна связала их ещё крепче. В душе Мирта этот день навсегда останется самым ярким, светлым воспоминанием.

Отец проводил их до лестницы.

— Дальше нельзя, — мягко, но решительно сказала дежурная сестра.

— Не беспокойтесь, я дальше не пойду, — тихо проговорил отец.

Они простились. Мама застегнула отцу верхнюю пуговицу на рубашке. Глаза её снова сверкнули, как листья после дождя.

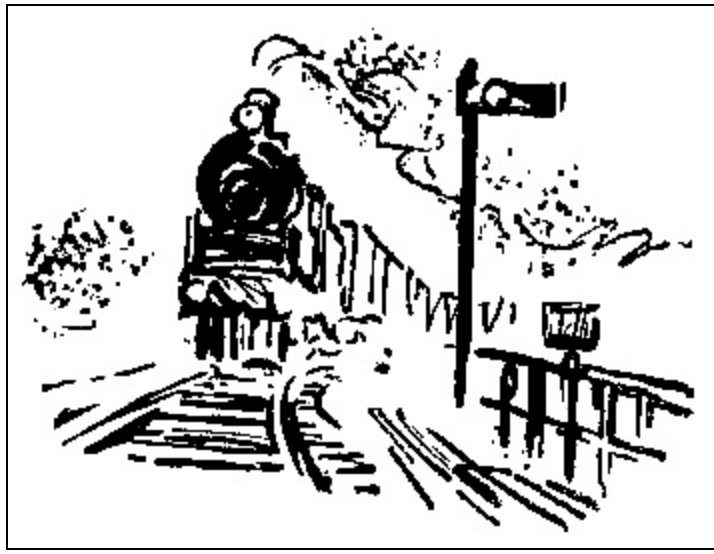
Мирт стоял в сторонке. Отец подошёл и протянул ему руку.

— Спасибо за фотографии, — сказал он,

И когда они уже спускались по ступенькам, он вполголоса крикнул им вслед:
— До воскресенья!

«До воскресенья, до воскресенья, до воскресенья», — звучало в голове у Мирта, когда они ехали домой в автобусе.

Глава третья

СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Мирт нарочно вошёл в класс, когда уже звенел звонок. Душан и Полтора Мартина бросали на него хмурые взгляды, но Мирт был спокоен, как никогда. Какое ему дело до их затей, у него есть своя тайна, она согревала душу и вселяла веру в себя. Только бы дождаться отца и летних каникул, а они уже не за горами.

На большой перемене его прижали к стенке недруги. Мало-помалу вокруг него образовался тесный круг. Даже Улитка выполз со своей парты. Но на него цыкнул Полтора Мартина:

— А ну проваливай! Обойдёмся без слизняков!

Улитка кисло улыбнулся и побрёл к своей парте. Разошлись и другие. Они стояли в углу класса, у самого окна. Мирт, улыбаясь, прислонился к подоконнику.

— Вчера ты смылся, позволю себе напомнить, — заговорил Полтора Мартина. Он стоял перед Миртом, растопырив ноги и заложив руки в карманы.

— Смылся? Гм! — усмехнулся Мирт. — Я просто торопился домой.

— Ещё бы, дома тебя ждало жаркое из лягушачьих лапок, — сказал Душан и, очень довольный собственным остроумием, громко расхохотался.

Подошло ещё несколько любопытных.

— А вас кто звал? — гаркнул Полтора Мартина. — Кому не терпится, чтоб я намял ему бока, пусть подождёт после уроков во дворе, сейчас всё равно не успею...

Мальчики с ворчанием отошли. Никому не хотелось иметь дело с его кулаками.

— Чего вам надо? — спросил Мирт. — Я же сказал, что не пойду в вашу компанию. Может, изложить в письменном виде?

— Так-то так. Но ты не сказал причину. Вот о ней мы и хотели спросить, а ты сразу дал дёру.

— Говори: почему не хочешь быть с нами?

— Не хочу, и всё тут... Хочу быть один...

Мирт, конечно, кривил душой. Не так уж приятно быть одному. И дома один, и в школе один, хотя в классе вместе с ним сидели на партах ещё тридцать мальчишек и девчонок. Но подружиться он как-то ни с кем не мог. Вот Петер из Поляны, с которым он познакомился в прошлом году, другое дело. Это был друг. Но Петер далеко, а в письмах всего не расскажешь.

— Хочешь быть один?! — процедил сквозь зубы Полтора Мартина.

— Совсем один? — насупился Душан.

И вдруг Полтора Мартина крикнул:

— Врёшь!

— Враньё это, потому мы вчера и бежали за тобой, — поддержал товарища Душан.

Мирт смотрел на них с удивлением.

— Дрейч вчера хвастался, что ты свёл дружбу с ними, с «хозяевами аллеи». И уже дал присягу. Это правда?

— Разве они лучше нас? — продолжал Душан. — А ты знаешь, что они столкнули с горы машину и она превратилась в лепёшку? Знаешь?

— Знаю, — спокойно ответил Мирт.

— Ну и что же? — Полтора Мартина выпятил грудь. — Мы такими делами не занимаемся.

— «Герои смерти» этим не занимаются, — подтвердил Душан.

— А «хозяева аллеи» здорово вас надули. Ничего я им не обещал, даже и не говорил с ними...

— Не верим.

— Вступай в наше общество, тогда поверим.

Мирт вспомнил правила вступления в их общество. Однажды ему пришлось увидеть, как принимали новенького. Новичок ложился на железнодорожном мосту в углубление между рельсами, где мог поместиться взрослый. В «яме смерти» он должен был лежать до тех пор, пока над ним не пройдёт состав. Только после этого он становился членом общества «Герои смерти».

— Такое геройство не по мне, — сказал Мирт.

— Трус, — усмехнулся Душан.

Мирт вздрогнул.

— Я сказал, что не хочу вступать ни в какое общество, и баста. А теперь отойдите от меня. Сейчас будет звонок.

Полтора Мартина заступил ему дорогу.

— Так, значит, не пойдёшь?

— Нет. Ни к кому не пойду.

— Трус! — ярился Душан. — Дылда, а всего боится!

У Мирта лопнуло терпение. Он замахнулся на Душана, но Полтора Мартина молниеносно парировал удар и подставил Мирту ножку. Мирт упал.

В коридоре заливался звонок.

Мирт встал и со слезами на глазах пошёл к своей парте. Его провожал презрительный смех Душана и Полтора Мартина. Он уже хотел броситься на них с кулаками, чтобы расплатиться и за подножку, и за «труса», и за этот смех, но у доски уже стоял учитель и внимательным взглядом обводил класс. Вот он положил на кафедру книги, сцепил за спиною руки и, неторопливо расхаживая перед первыми партами, стал излагать правила пунктуации. Мирт не слушал его. Ему казалось, что весь класс сейчас только и думает о том, что его называли трусом. Он чувствовал, что краснеет до корней волос, а на глаза навёртываются позорные слёзы. Он заставил себя думать о другом. Вспомнил о своей тайне, об отце, который, может быть, сейчас смотрит на его фотографии с цветущими черешнями и улыбается. Потом в мыслях встал рассказ отца о том, как во время войны его схватили фашисты, как пытали его, чтобы заставить говорить, и как он ничего не сказал. Он должен быть таким же сильным и бесстрашным, как отец.

Постепенно слёзы высохли на его глазах. В душе появилась решимость и отвага. Он вырвал из тетрадки лист и написал крупными буквами: «После уроков я пойду с вами на мост...»

Сложив листок, Мирт отправил его по партам. Наконец записка попала в руки Полтора Мартина. Тот небрежно развернул её и прочёл. На лице его появилась торжествующая улыбка.

А листок последовал дальше. Он переходил из рук в руки. Никто уже не думал о точках и запятых, о которых толковал учитель. К концу урока весь класс знал содержание записки

Мирта.

Ребята быстро приближались к старому железнодорожному мосту. Возглавлял шествие Полтора Мартина. Немного поодаль от него шёл Мирт, за ним Душан, а за Душаном почти весь класс. Улитка плёлся в самом хвосте. За всю дорогу никто не проронил ни слова.

Неподалёку от моста Полтора Мартина остановился.

— Стой! — скомандовал он. — Дальше пойдут только «герои смерти». Остальные пусть ждут тут. Если будет много народу, взрослые что-нибудь заподозрят и всё нам испортят...

— Возьмите меня! — взмолился Улитка.

— Ты не член общества, — отрезал Душан.

— Я тоже когда-нибудь вступлю!

— Кишка тонка!

— Ты всю жизнь просидишь в своём домике.

— Пошли.

От ватаги отделились Полтора Мартина, Мирт, Душан и еще два «героя смерти» — Йож и Алеш. Другие послушно остались стоять на месте.

— С минуты на минуту подойдёт дневной поезд, — сказал Полтора Мартина, подходя к мосту.

— Думаю, не опоздает, — прибавил Душан.

— Ну, иди, — скомандовал Полтора Мартина Мирту. — Надеюсь, ты не боишься... Только уж не двигайся, лежи спокойно, — поучал его Мартин. — А то хлопот не оберёшься, как было с Мирко. Испугался в последнюю минуту, выскочил из ямы и чуть под поезд не угодил.

Мирт положил портфель на траву и, уже не слыша наставлений Мартина, молча, не оглядываясь, с поднятой головой стал подниматься на мост.

На мосту он остановился. Рельсы блестели на солнце и, слегка вздрагивая, уходили за поворот. За железнодорожным полотном неумолчно шумел город, во все стороны мчались автомобили и мотоциклы. А здесь было тихо. Неожиданно

Мирт поёжился от страха. Он знал, что пускается в опасную игру. «Если в школе узнают, то всем здорово нагорит», — подумал он и в тот же миг почувствовал, что ему не хватает воздуха. Минута промедления — и он очертя голову ринется вниз, в траву под мостом, или, ещё того хуже, удерёт в город.

Свисток паровоза привёл его в себя. Свисток был долгий, он и манил и предостерегал в одно и то же время. Состав приближался к повороту. Мирт собрал всё своё мужество и, шатаясь, пошёл к середине моста. Там не хватало одной доски, так что в углублении мог поместиться человек. Он оглянулся. Душан и Мартин отчаянно махали ему руками. «Дают знак, что пора ложиться», — понял Мирт. В отдалении виднелись застывшие в ожидании крошечные фигурки одноклассников.

Наконец Мирт решился и лёг в углубление. Для его роста оно оказалось коротковатым. Он плотно прижал руки к телу, втянул голову в плечи и замер.

Над ним распростёрлось бездонное майское небо. Кудрявые облака таяли, словно весенний снег. Там и сям резвились в вышине неугомонные птички.

Земля гудела и дрожала под колёсами мчавшегося к мосту состава. Мирта покачивало, точно на волнах. Опять стало трудно дышать, в ушах звенело, он боялся пошевелить даже пальцем на руке. Сжав губы, он ловил взглядом лёгкие облака и старался думать только о них — они напоминали ему сорвавшийся с веток цвет черешен, которые росли за домом и

которые он фотографировал для отца.

Внезапно облака исчезли; над ним, наполняя всё вокруг грохотом и лязгом, пронёсся скорый поезд. Мирту показалось, будто земля разверзлась и сам он, мост и состав — всё летит в бездну.

Но вот бурлящие волны укатились вдаль, и ровное, мягкое течение постепенно вынесло его на поверхность. Всё стихло. Первый раз в жизни он слышал такую тишину.

Вдруг его позвали. Ребята не успели подбежать к Мирту, как он уже стоял на ногах, стряхивая с себя пыль и приглаживая волосы.

— Поздравляю! — Мартин протянул ему свою длинную руку. Щёки его пылали от удовольствия.

— Теперь ты наш! «Герой смерти»! Шестой член общества, — с гордостью сказал Душан.

Мирт, не глядя, прошёл мимо ребят, взял свой портфель и сказал спокойно:

— Надеюсь, теперь вы отстанете от меня...

И медленно пошёл прочь.

Полтора Мартина и Душан оторопели от изумления. Они не могли поверить, что Мирт только затем лёг в «яму смерти», чтоб они отвязались от него, чтоб только доказать, что он не трус. Не сбавляя шага, прошёл Мирт мимо одноклассников, не откликнулся на зов Улитки.

В ушах его всё ещё стоял грохот состава — он заглушал уличный шум и гам, — а в глазах стояло бездонное майское небо.

Он не сразу поднялся к себе на шестой этаж. Прислонившись к стене дома, он опустил на корточки и закрыл усталые глаза. Ему хотелось немного побыть одному, прежде чем идти домой, где его, наверное, уже ждёт мама с обедом. С души его спала тяжесть. Он не трус. Теперь он может смело смотреть в глаза отцу. А о том, что было на мосту, он решил никому не говорить, даже родителям, от которых он обычно ничего не скрывал.

Когда Мирт снова открыл глаза и посмотрел на черешни, они ослепили его своим блеском и белизной.

Он взял портфель и пошёл домой.

«Мама, наверно, звонила в больницу, справлялась о папе, — думал он, поднимаясь по лестнице. — Может быть, он уже завтра вернётся, а может, даже сегодня».

Вот и шестой этане. Мирт позвонил, но не услышал за дверью знакомых маминих шагов. «Мамы нет дома? В такое время?» — удивился Мирт.

Мирт позвонил к соседям. Дверь открыла пятилетняя девочка.

— Покатай меня на велосипеде! — взмолилась она, едва увидев Мирта.

— Сейчас не могу, Майдица. Попозже... Моя мама у вас?

— Нет... Я видела, как она пошла в город.

Мирт повернулся, собираясь уходить.

— А потом покатаешь?

— Да, да...

— Я буду ждать тебя внизу.

Мирт вышел на балкон, решив там подождать маму. Наверное, она пошла в магазин купить что-нибудь для отца и скоро вернётся.

С балкона было видно далеко. Во все стороны тянулись ряды высоких и низких домов с

широкими и узкими окнами. Внизу двигались до смешного маленькие люди. Цветущие черешни напоминали переливающиеся на солнце комья снега. У железнодорожного моста копошились какие-то человечки. Мирт подумал, что это «герои смерти» обсуждают сегодняшнее событие.

По улице сновали прохожие. Одни очень спешили, другие плелись как черепахи, словно не знали, куда себя деть.

Вдруг в самом конце улицы Мирт заметил женщину и сразу почувствовал, что это мама. Он облокотился на перила и стал внимательно следить за ней взглядом. Издали казалось, что она еле-еле идёт, но когда она подошла ближе, Мирт понял, что она, наоборот, почти бежит.

Да, это была мама.

Но, уверившись в этом окончательно, Мирт вздрогнул. Мама была вся в чёрном.

Он не мог пошевелиться, не мог произнести ни звука. Он понял: случилось самое худшее. Отца больше нет.

Мама уже шла по двору мимо цветущих черешен, а он всё неподвижно стоял на балконе, не в силах окликнуть её.

И только когда она скрылась в парадном, из груди его Вырвался крик, разнёсшийся далеко над крышами домов, но тут же потонувший в уличном гаме. Обеими руками он вцепился в железные прутья решётки. Решётка была тёплая от майского солнца, но он не чувствовал ни её тепла, ни боли, когда бился об неё головой.

Глава четвёртая

ПИСЬМО ПЕТЕРА РАСТЯПЫ

Переполненный автобус въехал в просторный заводской двор. Он привёз рабочих «Литостроя» на работу. Вместе с ними вышли и Мирт с мамой. Мирт не раз бывал на «Литострое». Отец работал на заводе с первых дней его существования, когда его только строили.

Они молча пересекли двор и остановились перед административным корпусом.

— Пойдёшь со мной? — спросила мама.

— Я тебя здесь подожду.

— Хорошо. Посиди на скамейке.

— Ладно...

Мама поднялась по ступенькам в здание. Мирт медленно дошёл до скамьи и сел. Мимо проходили рабочие, торопясь к своим станкам.

Отец тоже каждый день проходил здесь, когда был здоров и когда... Сегодня десятый день, как его нет. Никогда уже он не пройдёт здесь, не присядет отдохнуть на этой скамейке, не услышит шума станков, которые он впервые запускал своими руками. Сейчас он лежит в родной Поляне. И когда мама закончит все дела, они тоже переедут на его родину.

Раздался гудок. Огромный заводской двор ожил. Мирт по-прежнему сидел на скамейке, наблюдая за работой этого колоссального механизма и удивляясь его необычайной слаженности и точности. В ушах его ещё звучали слова отца, которые он сказал ему год назад, когда они перед началом смены присели на минутку на эту скамейку: «А ведь раньше здесь было поле, чистое поле...»

Незаметно мысли его опять перешли к отцу, к их общей тайне. Интересно, помнит ли мама их последний разговор? Каждый вечер, перед сном, он снова и снова обдумывал план действий, всякий раз дополняя его и улучшая. «Герои смерти» и «хозяйева аллеи» больше не приставали к нему, и он мог без помех заниматься своим делом.

«В Поляне никому ничего не скажу, — в который раз решил он. — Даже Рушке. Маленькая она ещё, всё равно побоится сунуть нос в шахту. Хотя от неё трудно будет скрыть. Жить мы будем у них. Тётя Кристина даёт нам комнату. А Рушка к тому же такая любопытная!

А Петер? Ему надо сказать. Он мне всё доверяет. Правда, он, по-моему, не очень умеет хранить тайну, но делать нечего. Весь год он мне писал длинные письма. Вчера пришло ещё одно».

Мирт достал из кармана большой измятый конверт и, не без некоторого усилия вытащив из него письмо, перечитал его в третий раз.

Дорогой друг Мирт!

Ты мне совсем не пишешь! Ёлки-палки! Вчера я собрал пять килограммов железного лома, чтоб купить конверт, бумагу и марку, и из-за этого самого железного лома чуть не бултыхнулся в речку (железо-то было в реке!). Такой уж я нескладный (все так про меня говорят).

И ещё, знаешь, мне пришлось встать пораньше, чтоб написать письмо до школы. Не обижайся, что я не пришёл на похороны твоего отца. Ты просто представить себе не можешь, как я злился на себя, но как раз в тот день у меня была высоченная температура. Мне так хотелось окатить голову холодной водой, чтоб немножко остудить её, только вряд ли бы это помогло. Ничего не попишешь, И (ну конечно же, перед И не запятая, а точка. Исправить не могу — нет ластика!). Так вот и получилось, что я не пришёл на похороны, и мы с тобой не увиделись. Я ужасно расстроился, когда узнал, что у тебя умер отец. Честное слово, недаром все кругом твердят, что я стал словно полоумный. Когда вы приедете в Поляну, я буду твоим другом, если ты, конечно, не против. Если захочешь, могу остаться полоумным, а если тебе это не понравится, стану таким же серьёзным, как святые в нашей церкви, и вдобавок буду стараться исполнять все твои желания, что, наверное, немного потруднее.

У меня нет настоящего друга. Все только смеются надо мной. Иногда мне обидно до слёз, иногда безразлично. Что и говорить, я ведь и в самом деле ужасно невезучий — думаю сделать хорошо, а получается плохо.

Хочешь, расскажу тебе один случай? В понедельник, а может, в воскресенье (совсем вылетело из головы!)... Ну и болван же я, конечно, в понедельник я ходил за молоком к Добрнику. Иду я обратно с полными бидонами (это чистое наказание-брать молоко ещё и для соседки, которая как раз накануне наплела маме, будто я отпил из её бидона, а потом долил туда воды, а я ни сном ни духом не виноват), как вдруг из-за дома Крпача с рёвом выскакивает девчонка. За ней гонится большая чёрная собака. Недолго думая я заорал как оглашенный и бросился ей наперерез. Собака мигом забыла про девчонку и помчалась прямо на меня. И тут случилось такое, о чём даже страшно вспомнить!.. Я стремительно повернулся и в ту же минуту со всего маха грохнулся на землю... Ёлки-палки, молоко разлилось всё до капли! Я погиб... Собака сразу присмирела и принялась жадно лакать молоко. Л девчонка разревелась пуще прежнего. Из-за молока, конечно. Я тоже чуть не плакал, и только чёрный пёс довольно облизывался (я ему это попомню — негодяй был наверху блаженства!). Домой я вернулся без молока. Сам понимаешь, девчонка не могла налить мне другого. И чем всё кончилось, тоже можешь себе представить. Даже мама, моя хорошая, добрая мама, и та не поверила, что я нечаянно разлил молоко. «Ну и растяпа ты у меня, — повторяла она всё время. — Самый что ни на есть настоящий растяпа».

Думаешь, одна мама так говорит? Другие тоже твердят, что я день ото дня становлюсь всё большим растяпой и потому у меня всё из рук валится. И прозвище «Растяпа» пристало ко мне на веки вечные. Я не обижаюсь. И на тебя не обижусь, если ты тоже будешь меня так звать. Ведь, по правде говоря, я такой и есть.

Когда приедешь? Конечно, когда кончится учебный год. Учиться осталось ровно неделю. Оценки у меня неважные. Если заметишь, что в письме не хватает какой-нибудь запятой или точки, то немедленно сообщи, я вышлю заказным! Правда, колдов не будет, потому что тогда мне пришлось бы искать другой дом. Отец так прямо и сказал, а мне ни к чему менять дом сейчас, когда каникулы на носу. Однако как ни крути, а в школе у меня всё идёт кувырком. Просто напасть какая-то! Учителя так и стараются спросить меня именно то, что я не выучил. Даже ночью нет мне покоя от этих уроков. Только на тебя надежда! Ты ведь друг мне, правда? Но если из-за этого не захочешь со мной водиться, то мне волей-неволей придётся учить всё подряд.

Может, письмо покажется тебе скучным и ты не станешь читать его до конца. Так

что на всякий случай прощаюсь с тобой сейчас.

Если же будешь читать дальше, то охотно расскажу тебе, что летом мы будем кататься на плотах по на-

шему Бобровому озеру, которое всякие там завистнику зовут Грязной лужей. Прошлым летом тут и впрямь была обыкновенная лужа, но весной мы перекрестили её в Бобровое озеро... Катаемся мы по нему на пиратском корабле. Ты просто не представляешь себе, как это здорово! Я уже четыре раза падал за борт. Три раза сушился на солнце, а в четвёртый было так пасмурно- ёлки-палки! — что из-за этих самых туч отец дал мне хорошую нахлобучку. Но с тобой ничего такого не случится, ты же не Петер Растяпа! Вот увидишь, мы соорудим плот, какой ещё никогда не ходил по Бобровому озеру, такой же роскошный, как эта клякса.

А у Рушки появилась премиленькая косуля. Позавчера её нашёл в лесу её отец (он лесник). Косуля ещё совсем крохотная. Рушка не растает с ней. Я бы тоже не расставался — такая она чудесная; сам увидишь, когда приедешь.

Может, ты дочитал до конца. Не сердись, что я так разболтался, ведь теперь я опоздаю в школу и учитель отчитает меня перед всем классом. Так вот я и живу. Хотел сделать тебе приятное. Обо мне не беспокойся, выкручусь как-нибудь. Было б гораздо хуже, если б я не писал тебе ничего нового. Хотя у вас горе и, может быть, тебе сейчас не до глупых писем Петера Растяпы.

Ещё раз до свидания.

Твой Петер Растяпа.

Сообщи, когда приедешь. Жду тебя.

Мирт поднял глаза, сложил письмо и сунул его в конверт. Никогда не признается он Петеру, что трижды прочёл его письмо. Куда больше, чем содержание, согревала его мысль о том, что кто-то хочет быть его товарищем, и этот «кто-то» жил в Поляне, куда он едет, чтоб разгадать тайну отца. Ему казалось, что отец жив, что он всё ещё в больнице и с нетерпением ждёт, когда Мирт найдёт его драгоценный дневник и они смогут вместе прочесть его.

Мама вышла из административного корпуса. Вся в чёрном, она на минуту остановилась на верхней ступеньке; за её спиной сверкала на солнце большая стеклянная дверь. Мирт встал.

— Ну, пойдём, — сказала она, подходя к нему.

Мирт понял, что сейчас их с мамой переполняют одни и те же чувства — они как бы прощались с чем-то большим, незабываемым. За ними невидимой тенью шёл отец.

— Как только начнутся каникулы, мы можем ехать, — сказала мама, когда они вышли на улицу.

— Ещё десять дней, — вслух подумал Мирт. И продолжил про себя: «Ещё десять дней, отец, и тогда я возьмусь за наше общее дело, как мы решили при последнем свидании...»

Глава пятая

В ПУТЬ

Когда нагруженный вещами грузовик выехал из города и покатил по широкому шоссе, Мирт почувствовал, что его тайный план уже начал осуществляться. Он и мама сидели в кабине рядом с шофёром. Молчали. Оба думали о Любляне — городе, где родился Мирт и где матери в своё время пришлось скрываться от фашистов. Мирт вспоминал, как к нему пришли прощаться «герои смерти» и «хозяйева аллеи», все вместе, словно с незапамятных времён были закадычными друзьями. Полтора Мартина, прощаясь, рыл носком башмака землю, Улитка уронил украдкой крупную слезу. Были забыты все обиды. В памяти осталось одно хорошее, и даже великое испытание на железнодорожном мосту теперь казалось прекрасным, незабываемым событием.

Пошёл дождь. По ветровому стеклу бойко забегал «дворник». Так приятно было ехать на машине под дождём. Но мама встревожилась.

— Дождь, — вздохнула она. — Как бы мебель не испортило.

— Она же под брезентом, — успокоил её шофёр.

Когда въехали в Савиньскую долину, опять прояснилось. Солнце золотыми брызгами окропило молодые листья хмеля.

— Поди, уж надоело ехать? — спросил шофёр. — В кабине не очень-то удобно.

— Нет, совсем неплохо, — возразила мама и улыбнулась. Мирт тоже был доволен, хотя он предпочёл бы быть *уже* в Поляне, в убежище отца. Он представлял себя знаменитым сыщиком, которому стоит только ступить в заброшенную шахту, как дневник тотчас же окажется в его руках.

Уже под вечер переехали у Дравограда деревянный мост и очутились в Межишской долине. В нетерпении Мирт до боли вытягивал шею, стараясь увидеть следующий поворот.

В Добриях дорога проходила мимо металлургического завода.

— Я здесь бываю почти каждый месяц, — сказал водитель. — Хорошие тут места, вам понравятся.

Машина подъезжала к Поляне. Впадина, бывшая некогда дном озера, расширилась, засверкали зелёные поля.

— К родственникам едете? — поинтересовался шофёр.

— Здесь живёт сестра покойного мужа с семьёй, — ответила мама. — Первое время поживём у них.

Мирт уже ничего не слышал. Он ждал, когда появится дом Соняков, который станет и их домом.

Грузовик пересек базарную площадь и свернул в боковую улочку.

Машина остановилась, и тут же в воротах показалась Рушка. Она громко позвала мать. И ровно через минуту во двор выбежала добрая, ласковая тётя Кристина.

— Ох, а Лекша нет дома... — запричитала она, всплеснув руками. — Как же вы будете выгружаться? И ведь наказывала ему утром вернуться пораньше...

— Ничего, сами справимся, — сказала мама.

— Позову-ка я соседа, — нашла выход тётя Кристина. — Он всегда нам помогает... А вы ступайте в дом. Поди, устали, проголодались...

Сосед пришёл по первому зову, да и дядя Лекш вскоре вернулся. Общими усилиями разгрузили машину и втиснули вещи в комнату.

Мама, тётя Кристина и дядя Лекш сидели и разговаривали в кухне. Рушка увела Мирта на залитый солнцем двор. Рушка была тоненькая двенадцатилетняя девчонка с пушистым хвостиком чёрных волос и со смешливыми искорками в лучистых глазах, которые немедленно погасали, когда её начинали строго отчитывать. Старшие её братья уже выросли

и разъехались. С Миртом она не дружила, хотя он каждое лето приезжал на каникулы. Он водился с Петером или ещё с кем-нибудь из ребят, часто бродил один, и Рушка не лезла в мальчишескую компанию.

Но сейчас ей не терпелось открыть Мирту свою тайну. Мирт, правда, уже знал о косуле из письма Петера, но, не желая огорчать Рушку в первый же день, послушно пошёл за ней в большой сад за домом. Внезапно Рушка остановилась.

— Закрой глаза, — попросила она.

— Зачем?

— Увидишь... И не открывай, пока я не скажу.

— Ладно.

Мирт плотно сомкнул веки.

— Дай руку. Я тебя поведу.

И она повела его к молодым деревьям в глубине сада.

— Теперь открой! — торжественно воскликнула Рушка.

Так и есть: перед ним, нисколько не робея, стояла живая косуля, которую он видел однажды в люблянском зоопарке. Рушка ласково гладила её по тонкой шее.

— Я так её люблю, — вздохнула Рушка, обвивая её шею руками. — Она у нас уже две недели и стала совсем ручная...

Ребята сели на траву. Рушка рвала сочный клевер и давала его косуле.

— Как её зовут?

— Ласка. Она такая ласковая, всегда здоровается со мной и тычется в меня носом.

— Где её поймали?

— А кто тебе сказал, что её поймали? Две недели назад пошла я в Равняков лес за отцом... Иду по тропинке и слышу, будто кто-то крадётся за мной. Я оглянулась — косуля! Бедняжка так и застыла на месте. Наверно, испугалась не меньше моего. Я подошла к ней и взяла её на руки. Отец сначала и слышать не хотел о том, чтоб взять её домой. Но потом, когда стемнело, разрешил. Ведь косуля могла заблудиться или угодить в лапы к лисе... А теперь я каждый день дрожу, что он велит отвести её назад в лес...

— Её и сейчас лиса может растерзать, — сказал Мирт. — Пусть лучше останется у тебя.

Рушка посмотрела на него с благодарностью.

— Дядя Лекш любит тебя, не отнимет он у тебя косулю, — продолжал Мирт.

— Я тоже его люблю... Только он иногда пьёт и поздно приходит домой... и так кричит на маму, что я просыпаюсь... — тихо проговорила Рушка и прижалась лицом к шее косули.

— Мы вместе будем смотреть за косулей, — дружелюбно сказал Мирт.

— Ну, ты уже большой, ты не станешь с ней играть, — возразила Рушка, не отрывая лица от тёплой шеи Ласки. — Найдёшь себе другую компанию.

Косуля тем временем встала на ноги и легонько фыркнула.

— Кто-то идёт, — сказала Рушка и оглянулась.

У садовой калитки стоял Петер Растяпа, длинный и тощий, с широким открытым лицом.

— Петер! — окликнул его Мирт.

Петер радостно вскрикнул и со всех ног кинулся к ребятам.

— Я, когда шёл в магазин, видел на шоссе грузовик, — заговорил он смущённо, — и почему-то подумал, что это вы приехали...

— Мы уже три часа как приехали, — улыбнулся Мирт.

— Я так и знал, что пропущу вас, — громко говорил Петер, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. — Да ты и написал, что сегодня приедешь, но что я мог поделать, если в магазине было много народу, а без муки, соли и масла я не мог домой вернуться... Ёлки-палки, я, кажется, ещё с тобой не поздоровался!

И Петер крепко, по-мужски, пожал руку Мирта.

— Ну как, убедился, что у Рушки есть косуля? — широко улыбнулся Петер.

Мирт хотел остановить его взглядом, но не успел.

— Так ты знал про косулю? — изумилась Рушка.

— Знал, но... только сегодня увидел её, — ответил Мирт, пытаясь хоть чуточку исправить положение.

Петер понял, что дал промашку, и, стукнув себя по лбу, воскликнул:

— Надо же, опять глупость спорол!

И тут же взялся исправлять свой промах. Он был мастер выдумывать всякие смешные истории, которые всегда разыгрывал в лицах. И откуда что бралось!

— У нас в доме живёт один парень, Матевж его зовут, — начал свой рассказ Петер. — Хвастун страшный! Всё рассказывает, как он однажды пугал старух: прятался вечером у дороги и, как только появлялась старуха, выскакивал в белой рубаше, точно привидение... И решил я раз проучить его. Забрался в подпол, где он держит кроликов, надел на кол белую рубашу, из старого абажура сделал голову, внутрь поставил зажжённую свечку. Установил пугало в углу напротив двери и стал ждать, когда он придёт запирает своих кроликов — на ночь он их всегда запирает на три замка... Наконец слышу — идёт. Вот отворилась дверь, и — ёлки-палки! — храбрый Матевж завопил так, что стены затряслись, и давай дёру. А я так смеялся, что у меня до сих пор живот болит. Ой, вспомнить не могу, сейчас опять расхохочусь... Ну всё, я пропал... Ха-ха-ха, хо-хо-хо, ха-ха-ха...

Петер Растяпа покатился по траве, корчась от смеха и показывая свои большие редкие зубы. Глядя на него, Мирт и Рушка тоже громко рассмеялись, и только косуля косилась на них испуганно.

Наконец Петер успокоился и сел. Мирт и Рушка помогли ему встать.

— Видите, к чему приводит смех. Лучше б не рассказывать вам о храбром Матевже.

— Ты хорошо сделал, что рассказал, — сказал Мирт, которого эта история на минуту отвлекла от его тайных замыслов. — Ты всё делаешь хорошо.

— О, тогда бы меня не прозвали Петером Растяпой, а ведь я и правда растяпа. — Тут Петер заметил зелёные пятна на своих светлых штанах. — Ёлки-палки, вот тебе и покатился по травке... — сказал он расстроенным голосом. — Ну и лопух же я! Настоящий растяпа... Жаль только, мама не сочтёт это уважительной причиной.

— Давно уж я так не смеялась, — сказала Рушка.

Петер развёл руками.

— Раз так, я готов снести любую кару!

— Тебе, Петер, просто не везёт! Вечно тебе приходится расплачиваться за свою доброту.

— Не каждому же быть Петером Растяпой... Ха-ха-ха...

Начало темнеть. Ребят позвали домой.

Рушка повела косулю в сарай, Мирт пошёл проводить Петера до шоссе.

— Вот и начались каникулы, — говорил Петер, — будем теперь вместе, если ты, конечно, не против.

Его большие глаза блестели от радостного возбуждения.

— Ты мой единственный друг в Поляне, — сказал Мирт. — Спасибо за письма. Я их храню.

Однако Мирт ещё не решился открыть Петеру свою тайну. Во-первых, он привык всё

делать один. А во-вторых, Петер мог нечаянно всё испортить. Ведь если взрослые узнают, то ему не видать шахты как своих ушей. Начнут твердить о всякой там опасностях — заблудишься, задохнёшься, попадёшь в обвал...

— А где здесь старая шахта? — спросил Мирт.

— Видишь гору за площадью? Там когда-то добывали уголь... А зачем тебе?

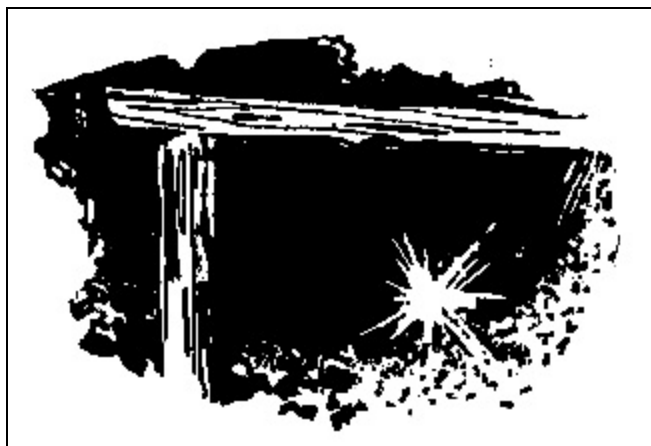
— Просто так...

— Если хочешь, завтра или послезавтра пойдём туда... Только я сам ещё никогда там не был. Как-то сунул туда нос, но там так темно и душно, что я быстро оттуда выскочил. Отец говорил, что в войну наши прятались там от немцев. Старые шахтёры, наверно, знают все входы и выходы... А с какой стати нам ходить в шахту? Пошли лучше на Бобровое озеро, построим плот, будем плавать...

«Нет, озеро подождёт, — повторял Мирт про себя, простившись с Петером. — Сначала я должен выполнить своё обещание. Сначала — дневник».

Мирт понимал, что это нелёгкое дело, но именно поэтому оно его особенно привлекало.

«Завтра пойду на разведку, — решил он. — Пойду один».

Глава шестая

ПЕРВЫЙ РАЗ В СТАРОЙ ШАХТЕ

На другой день Мирт встал пораньше, думая отправиться в шахту, пока все спят. Но, едва вскочив с постели, он понял, что мама уже на ногах. Мирт выглянул в окно — Рушка кормила в саду косулю.

После завтрака мама попросила его помочь разобрать вещи. Покончив с делом, он пошёл в сад. Рушки там не было — её послали в магазин. «Сейчас самое время исчезнуть», — подумал Мирт и выскользнул со двора.

Тёплый июльский день уже стоял над долиной, озаряя каким-то особенным светом свежеумытые горы. Но на душе у Мирта было тревожно. «Только бы не наскочить на Петера», — думал он, крепко сжимая лежавший в кармане отцовский фонарик.

Миновав длинную площадь, он свернул в боковую улочку, по которой не раз ходил в прежние свои приезды. Но тогда у него не было великого плана, и заброшенная шахта нисколько не занимала его. Теперь всё обстояло иначе. Самое главное найти вход так, чтобы никто не заметил, а дальше будет видно.

Дорога, жавшаяся к шумному потоку, отлого поднималась вверх, ведя к раскинувшемуся на плато шахтёрскому посёлку. Справа от него тянулась терраса, по которой в те дни, когда шахта ещё жила кипучей жизнью, была проложена колея для вагонеток, доставлявших уголь в долину.

Навстречу ему устало брёл старик, опирающийся всем своим дряхлым телом на грубый посох. «Вот кого можно спросить», — подумал Мирт.

— Добрый день, — поздоровался он, поравнявшись со стариком.

— Добрый день, — пробормотал в ответ старик.

Старик уже проковылял мимо, когда Мирт наконец собрался с духом и громко крикнул:

— Скажите, пожалуйста!

Старик остановился и вскинул на него удивлённые глаза.

— Скажите, пожалуйста, где здесь вход в шахту?

Недоумение старика возросло. Казалось, он не понял вопроса.

«А он похож на старого шахтёра, каких рисуют на картинках», — подумал Мирт, взглядевшись в его морщинистое лицо.

— Вход тебе нужен? — как бы в раздумье спросил старик и покачал головой. — Гм, да здесь их много, входов-то... Ступай вон к тому дому — видишь, серая крыша и две высокие узкие трубы, — там недалеко есть вход, метров двести от дома...

— Спасибо! — поблагодарил Мирт, не двигаясь с места.

Проводив старика глазами, он бодро зашагал к дому с серой крышей. Первый пункт великого плана выполнен. Один из входов в шахту найден. Жаль только, что не догадался подробнее расспросить старика, какой из входов самый удобный.

Когда Мирт подошёл к дому с серой крышей и высокими узкими трубами, залаяла собака. Мирт притаился за деревом. Но собака, как бы желая доказать, что её не обманешь, продолжала свирепо лаять. Мирт испугался — на лай могли выйти люди. Однако на пороге никто не появлялся — видимо, в доме никого не было, — и Мирт, вздохнув с облегчением,

пошёл дальше. Собака остервенело рвалась с цепи. Мирт подумал, что сейчас ему очень пригодился бы злой пёс, способный утихомирить это косматое чудовище.

Вход Мирт нашёл очень быстро. От дома с серой крышей к нему вела протоптанная тропа. Вход был облицован камнем, новая деревянная дверь была чуть притворена. Мирт понял, что у входа в шахту хозяин дома с серой крышей оборудовал погреб.

Он ещё раз осмотрелся по сторонам. Поблизости не было ни души. Он открыл дверь и вошёл внутрь. Уже через несколько шагов пришлось зажечь фонарик. Здесь был настоящий склад всевозможных ящиков и бочек. Окинув всё это беглым взглядом, он торопливо пошёл дальше по облицованной камнем штольне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мирт шёл вперёд, постепенно теряя ощущение времени и расстояния. Внезапно облицованные стены кончились, запахло струившейся по скалам водой. Штольня сужалась.

Мирт остановился. Сердце его упало. По телу пробежал холодный озноб: он был слишком легко одет. Ему стало страшно, что он потеряет нужное направление. Он снова двинулся вперёд, стараясь отыскивать и запоминать какие-нибудь приметы. Но всюду были лишь причудливые скалы да вода, которая стала проступать сильнее.

Вдруг штольня расширилась. Мирт даже подпрыгнул от радости — это был один из залов, про которые говорил отец. _ В одно мгновение теснота исчезла, грудь задышала легко и свободно. Значит, здесь сохранились продушины, устроенные для притока свежего воздуха.

Мирт вышел на середину зала. Грунт здесь был твёрдый и сухой. Он погасил фонарь, рассчитывая на естественный свет. Но ни единый луч в зал не проникал. Вокруг была грозная, непроницаемая тьма. Мирт вздрогнул и снова зажёл фонарь.

Теперь он видел, что из большого зала в разные стороны расходится множество штреков. Он выбрал самый широкий, но, пройдя по нему несколько метров, вернулся назад. «На сегодня хватит, — решил он. — Может, мне вообще не придётся идти дальше. Сперва надо хорошенько исследовать этот зал. Эх, если б стены могли говорить! Они бы о многом порассказали. Они бы рассказали, как здесь за гроши надрывались шахтёры, а хозяин, чистый и наутюженный, прогуливался наверху по солнышку; рассказали бы про нужду шахтёров, в страхе ожидавших, что уголь вот-вот кончится и они останутся без своего скудного заработка; рассказали бы о людях, которые в войну прятались здесь от фашистов, об отце, прожившем здесь несколько месяцев, о том, как он вёл дневник и встречался с партизанскими связными...»

«Но как взяться за дело? С чего начать?»- с мукой думал Мирт. Только теперь он понял, как это трудно. Если бы знать поточнее, куда отец сунул свой дневник — в специальный тайничок или просто в какую-нибудь щель.

Мирт бродил по просторному залу, тщательно осматривая все щели и выбоины. Всюду он натёкался на следы прятавшихся здесь в войну людей — полуистлевший пиджак, чайную чашку без ручки, охапки прелой соломы...

Внезапно ему показалось, что прошла целая вечность с тех пор, как он ступил в шахту. Наверное, наверху уже вечер и дома его давно хватились.

«Пора возвращаться, — подумал Мирт. — Для начала достаточно. В следующий раз оденусь потеплее, выйду чуть свет и возьму с собой верёвку или маленькую лесенку, чтоб можно было осмотреть стены».

Но вернуться оказалось не так просто. В страхе и смятении метался он от штрека к штреку, решительно не зная, какой из них предпочесть. Наконец, выбор его пал на самый

широкий. Однако, сделав по нему несколько шагов, Мирт вернулся назад. Понурю стоял он посреди зала, с горечью думая о том, что не сможет найти дорогу наверх.

Вдруг Мирт встрепенулся, стряхнул с себя страх и растерянность и снова принялся освещать все ходы в надежде найти хоть какую-нибудь знакомую приметку.

— Вот он! — воскликнул Мирт и сломя голову бросился вон из зала. Он бежал, уверяя себя в том, что именно эта штольня привела его сюда.

На лбу выступили капельки пота. Одна из них скатилась на нос, и он вытер её рукавом. — Только не останавливаться, только не останавливаться... — не переставая шептал он себе.

Штольне не было конца. Мирт опять растерялся.

— Кажется, я шёл не здесь, — пробормотал он в испуге и, замедлив шаг, посветил в обе стороны. Глазу не на чем было остановиться.

И тут он понял, какую совершил ошибку, отправившись в шахту один. Надо было взять с собой Петера, довериться ему. Ведь ни одна живая душа теперь не знает, где он. «А вдруг именно здесь обвал?» — вздохнул Мирт и с тоской посмотрел наверх.

Им овладело чувство бесконечного одиночества. Похолодев от ужаса, словно одержимый, помчался он дальше. Он и не заметил, как начал громко звать на помощь. Голос его с глухим рокотом катился вдаль и исчезал в темноте. Мирт спотыкался, полз на четвереньках, снова поднимался и бежал дальше.

Внезапно он остановился. Впереди забрезжил огонёк. «Это свет фонаря», — заключил он. Послышался чей-то голос.

Мирт затаил дыхание и скоро услышал своё имя:

— Эй, Мирт!..

Через некоторое время он стоял наверху, прикрывая ладонями отвыкшие от солнца глаза. Рядом были Петер Растяпа, Рушка и хозяин дома с серой крышей.

— Чего тебя понесло в шахту? — качал головой хозяин дома с серой крышей. — Подумать страшно...

Мирт открыл глаза и молча ступил на дорогу.

Петер и Рушка пошли за ним.

— Ты сердишься на нас? — спросил Петер. — Это Рушка подняла шум...

— Просто я шла из магазина и увидела тебя на площади, — перебила его Рушка. — Ну и решила посмотреть, куда это ты отправился спозаранок. Увидела, что на Лёши, и дальше не пошла. А потом встретила Петера и рассказала ему... Он-то и поднял шум, если хочешь знать...

— Да, я вспомнил, что ты спрашивал вчера про шахту, и подумал...

— Чего вы в самом деле оправдываетесь? — оборвал их Мирт, останавливаясь. — Я вам должен быть благодарен...

— Мы сказали хозяину дома с серой крышей, — продолжала Рушка.

Петер засмеялся:

— Он так испугался, что выронил изо рта трубку... Потом схватил фонарь и кинулся за тобой в шахту, ха-ха-ха...

Рушка взяла Мирта за руку и ласково сказала:

— Пойдём к ручью, умоешься, а то ты как настоящий шахтёр...

Мирт умылся. Ребята присели у ручья.

— Мне казалось, что я целую вечность пробыл под землёй, — улыбнулся Мирт. — А выходит, я был там совсем недолго...

— А зачем ты туда ходил? — полюбопытствовала Рушка.

— Ёлки-палки! — засмеялся Петер, сразу поняв, что ей не следует это знать. — Этим девчонкам всюду надо свой нос сунуть! Ну, пошёл посмотреть, появились ли у кротихи кротята, чтобы подарить тебе одного...

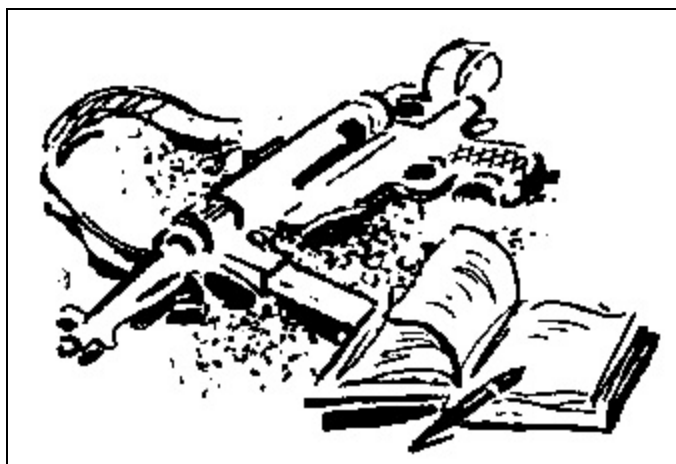
Рушка насупилась.

— Потерпите немножко. Скоро я вам всё расскажу... — сказал Мирт после недолгого молчания.

Ребята притихли. И только ручей, игриво поблёскивая на солнце, с весёлым журчаньем лизал скалы и теребил свесившиеся с него ветки деревьев.

— Хватит прохлаждаться, — сказал вдруг Петер, вставая. — В час у нас обед. Если не явлюсь вовремя, отец прикатит за мной в карете.

Ребята быстро пошли в долину.

Глава седьмая

У ТОВАРИЩА ОТЦА

Целыми днями думал Мирт о своём плане, всё больше убеждаясь в том, что без помощника ему не обойтись. В шахте он впервые испытал, что значит быть одному в трудную минуту. Теперь он понимал, что одному ему не справиться с таким делом, как поиски дневника в лабиринте заброшенной шахты.

Итак, прежде всего надо обзавестись надёжным другом и помощником. Раньше он и мысли не допускал о том, чтобы довериться Петеру и Рушке, хотя они значились первыми в его неписаном списке друзей. Сейчас всё обстояло по-другому. Только вот Рушка вызывала у него некоторые сомнения. Всё-таки девчонка. Вдруг испугается опасности или вообще побоится идти в темноту штреков...

Спустя три дня после первой вылазки он завёл Петера в дальний угол сада. Рушка, мама и тётя Кристина утром ушли в лес за черникой. Петер весь превратился в слух.

— Хочешь помочь мне? — спросил Мирт, кончив своё повествование.

— Что за вопрос! — крикнул Петер и, прикрыв рот ладонью, поспешно оглянулся — не слышал ли кто.

— Сначала поклянись, что будешь молчать как могила!

— Клянусь! — выпятив грудь, торжественно произнёс Петер, — Даже Бел ко, которого я люблю больше всего на свете и которому верю как себе, ни словом не обмолвлюсь.

— Так. Никому ни слова, иначе пиши пропало.

Петер опустил плечи и заискивающе спросил:

— Мирт, а может, всё-таки довериться моему Белко? Это ведь совершенно особая собака. И вообще это не собака, а мой друг... Мы с ним во всём похожи.

— Он такой же невезучий?

— Даже в этом. — Петер виновато потупился. Но ровно через секунду снова загорелся: — Клянусь, мы тебя не подведём!..

Мирт молчал.

— Значит, не доверяешь? — огорчился Петер.

— Доверяю, конечно, доверяю, — с улыбкой заверил его Мирт. Лучшего друга и помощника он и представить себе не мог.

Петер повалился на траву и два раза перекувырнулся через голову. Потом вскочил на ноги и кинулся к садовой калитке.

— Петер, куда ты?!

Петер остановился.

— Я тебе не помощник, — орал он во всё горло, — пока не сообщу Белко радостную новость!..

— Постой!

Петер был уже у калитки, когда Мирт поймал его за полу куртки:

— Белко узнает всё в своё время... Сначала покажи мне дом Травника.

— Пожалуйста! Я знаю его. Мы с его сыном Алешем вместе ходим в школу. Он всегда заходит за мной.

— Ладно, пошли.

Ребята уже выходили из сада, как вдруг услышали за собой тихие, осторожные шаги. Мирт быстро обернулся, но никого не увидел.

— Мне показалось, что за нами кто-то идёт.

— Наверно, кот, — решил Петер.

— Если кот, то он был явно в сапогах...

Не оглядываясь, они пересекли двор и вышли на улицу.

«Мне просто почудилось», — думал Мирт, стараясь отогнать мысль о таинственных шагах.

Недалеко от дома Петера они слышали собачий лай.

— Это Белко! — воскликнул Петер и победоносно ударил себя в грудь. — Он узнаёт меня за десять километров.

— Ты хотел сказать — за десять метров, — мягко поправил его Мирт.

— Вот увидишь, это Белко лает.

— А разве до твоего дома ещё десять километров?

— Да нет! Я просто хотел сказать, что лает наш Белко...

— А какого он цвета?

— Какого же ещё, если он Белко! Белый как снег.

Лай был уже совсем близко. Наперерез им мчалась чёрная, как ночь, собака.

— Смотри, Белко! — закричал Мирт.

— Ты что, ослеп? Какой же это Белко? — обиделся Петер.

— А кто говорил, что лает Белко? Значит, он умеет на ходу менять цвет шкуры, — съехидничал Мирт и громко расхохотался.

Петер бежал впереди, отчаянно размахивая руками.

Дома Белко ещё раз подвёл своего хозяина. Вместо того чтоб за десять километров узнать его шаги, этот лентяй преспокойно дремал в своей конуре.

— Дрыхнешь, бездельник... — сердито проворчал Петер, наступая ему ка хвост.

Мирт только ухмылялся, глядя на незадачливого хозяина лучшей на свете собаки.

Но Петер не унывал. Все неприятности были мигом забыты, лишь только они двинулись дальше.

— Во всяком случае, мой Белко не трус, — говорил по дороге Петер. — Ему даже медведь нипочём. Вот увидишь. Может, скоро представится случай, он тебе докажет...

— Если мы вообще набредём когда-нибудь на медведя...

Петер пропустил мимо ушей это замечание — всё его внимание было сосредоточено на Белко, вынюхивавшем в траве кротов.

— А зачем тебе Травник? — неожиданно спросил он.

— Это был товарищ отца. Они вместе были в партизанах, вместе скрывались в заброшенной шахте...

— А, теперь понятно, — протянул Петер, широко открывая свои большие глаза.

Мальчики остановились возле нового дома, обнесённого свежескрашенным забором, за которым росли совсем ещё тоненькие деревья, покрытые молодой зеленью. К дому вела посыпанная белым песком дорожка.

— Пошли. Хотя его редко застанешь дома. День и ночь пропадает на своём металлургическом заводе.

— А Белко?

— Подождёт на улице. Его нельзя пускать в порядочный дом.

К счастью, Травник оказался дома.

— Сегодня мне на завод в ночь, — сказал он, поздоровавшись с ребятами. — Присаживайтесь. Я один. Жена ушла к портнихе, девчонки отправились купаться, а Алеш где-то бродит...

Травник был высокий и статный, немногим старше покойного отца Мирта. Волосы у него были редкие, а густые усы, как у моржа, торчали во все стороны. Но особенно поразили Мирта его большие внимательные глаза с нависшими над ними густыми бровями, которые всё время шевелились.

— Просто не верится, что твоего отца нет на свете, — сказал Травник и, покачав головой, закурил тонкую сигару.

Запах пошёл по всей кухне. Окутанные лёгким дымом, все трое умолкли. У Мирта стоял комок в горле.

— Теперь ты, конечно, будешь учиться в Поляне, — проговорил Травник, стараясь перевести разговор на другую тему.

— Осенью пойду в гимназию в Добриях.

— О, так ты уже совсем взрослый!

— А я ещё в восьмой, — сказал Петер. — Переполз кое-как.

— Товарищ Травник, вы ведь знаете, что во время войны отец вёл дневник... — неожиданно заговорил Мирт.

— Ещё бы не знать! Когда мы сидели в шахте и ждали связных, он мне часто читал свои записки... Не потеряй он дневник, мы б сейчас гораздо больше знали о тех днях...

— Но ведь его можно найти! — во всю мочь воскликнул Петер.

— Мы с отцом Мирта уже всё обыскали и ничего не нашли... В лагере у него сильно сдала память, он помнил только, что спрятал дневник где-то в старой шахте... Было это летом сорок четвёртого, когда нас вызвали на явку к одному крестьянину в Ямнице. Из осторожности он всегда оставлял дневник в каком-нибудь тайнике... По дороге мы напоролись на немецкий патруль. Сначала нас бросили в дравоградский застенок, оттуда перегнали в лагерь в Марибор... Но уже не вместе, в Дравограде нас разлучили... Да, в лагере он потерял здоровье, не то сидел бы сейчас с нами и рассказывал вам о былом...

Голос его опять утонул в густом душистом дыме.

Снаружи залаял Белко. Петер сорвался с места и побежал к окну.

— А если попробовать ещё раз? — тихо спросил Мирт. — Мы должны найти дневник. Я обещал отцу. Обещал при последнем свидании...

— Вот это ты зря сделал. Нельзя было давать такого обещания...

— Вы думаете... — прошептал Мирт, глядя на него затуманенными от подступавших слёз глазами, — вы думаете, что напрасно искать?..

— Почти безнадежно... Известно ведь только одно, что дневник где-то в заброшенной шахте.

— А разве этого мало? — с жаром воскликнул Петер. — По-моему, этого вполне достаточно.

— Полегче, парень, ведь ты ещё не был в шахте, — засмеялся Травник над его горячностью. — И, немного помолчав, добавил: — И всё-таки надо основательно обшарить все закоулки. Дневник стоит того, чтобы не пожалеть сил на его поиски... Но это не простое дело. Придётся позвать на помощь опытных шахтёров со всем шахтёрским снаряжением...

— Нет, это дело не терпит отлагательства, — сказал Петер тоном генерала, готового принять бой на свой страх и риск.

Мирт встал и умоляюще проговорил:

— Пойдёмте с нами!

— Что?! С вами? Как это — с вами? — засмеялся Травник. — Лешская шахта — это вам не кротовая нора, не теряйте голову... Молодцы, что пришли, я ещё разок всё прикину в уме, а там посмотрим...

И когда Мирт и Петер были уже в дверях, он крикнул им вслед:

— Ребята, только не теряйте голову и смотрите не наделайте глупостей!

Белко, высоко подпрыгивая, приветствовал их громким лаем. Неожиданно из-за дома вышла Рушка, а вслед за ней мальчик лет тринадцати.

— Поглядите-ка! — захолопал в ладоши Петер. — Рушка и Алеш! Откуда вы взялись?

— Я просто шла по улице, смотрю, перед домом стоит Алеш, — вызывающе ответила Рушка. — А что, вы недовольны?

— Ну зачем так, Рушка? — вмешался Алеш. — Ты же шла к нам по делу.

— Ах вот как! — рассердился Петер. — Может, ты вообще шпионила за нами? А?

— И тихие шаги в саду были вовсе не кошачьи, — сказал Мирт, меряя её пристальным взглядом.

— Очень мне нужно шпионить за вами, — невозмутимо отрезала Рушка и надула губы. — Просто я шла по этой улице...

— И подслушала наш разговор в саду? — горестно продолжал свой допрос Петер.

— Мне только и дела, что подслушивать ваши разговоры, — защищалась Рушка. — И потом, ты так громко говорил, что, хочешь не хочешь, всё услышишь.

— Ты обманула нас! — чуть не плакал Петер. — Сказала, что идёшь за черникой.

— А ты думал, я никогда не вернусь?!

— Выходит, опять я во всём виноват.

— Не огорчайся, Петер, — как можно спокойнее сказал Мирт. — Я тоже громко говорил... Да и Рушка никому не разболтает. Правда, Рушка?

— Раз надо молчать, теперь буду молчать, — пожала она плечами, словно обещая пощадить уже юркнувшего в кусты зайца.

— Что значит «теперь»? — с беспокойством спросил Петер.

— А то, что кое-кому я уже рассказала... — ответила она с самой невинной улыбкой.

— О-о-о! — простонал Петер.

Мирт оторопел от изумления.

— А что же вы мне раньше не сказали... Надо было предупредить заранее...

— Кому ты сказала?! — вскипел Петер.

— Ему, — спокойно ответила Рушка, показывая пальцем на Алеша.

Алеш, крепкий парень с копной кудрявых волос и живыми глазами на круглом загорелом лице, переминался с ноги на ногу, глядя поочерёдно то на Мирта, то на Петера, то на Рушку.

— Я не спрашивал её, честное слово, — смущённо пробормотал он. — Она сама всё выболтала... Но вы не бойтесь. Я умею держать язык за зубами... И любопытничать я не стану, и Рушку больше не буду слушать... А сейчас мне надо домой.

— погоди! — крикнул Мирт, покорённый его словами. Он чувствовал, что на Алеша можно положиться.

Алеш остановился.

— Хотя мы только что познакомились, — продолжил Мирт, — я всё же хочу спросить тебя, не согласишься ли ты нам помочь...

— Если вы считаете, что я могу пригодиться... — ответил Алеш после некоторого раздумья.

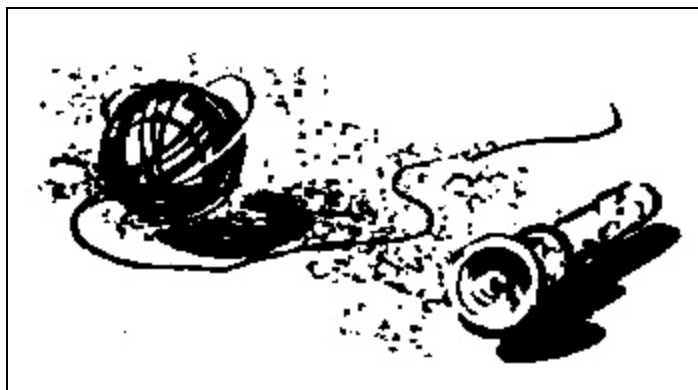
— Ещё как согласишься, — решительно заявил Мирт.

— Елки-палки, вот это да! — точно заяц, подскочил Петер.

— Рушка, поклянись, что будешь молчать, — потребовал Мирт.

— О, пожалуйста, сколько угодно... Только не вздумайте больше от меня таиться...

До позднего вечера сидели ребята во дворе у Травника, обсуждая план предстоящей операции. Белко, примостившийся у их ног, не сводил с них своих преданных собачьих глаз. Ребята дали клятву довести дело до конца. Мирт был доволен. Наконец он обрёл друзей, готовых пойти за ним в огонь и в воду.

Глава восьмая

ВТОРОЙ РАЗ В УБЕЖИЩЕ ОТЦА

Несколько дней ушло на тщательную подготовку. Ребята встречались в лесу за домом Алеша. Раньше всех приходили Мирт и Алеш. Петер обычно прибежал, когда совещание подходило к концу. Раз его задержала молочница, в другой он упал и расшиб колено, а в третий, как на грех, исчез Белко, и ему пришлось обойти всю Поляну. Рушке трудно было расставаться с Лаской. Иногда она приводила с собой косулю, но и в таких случаях проку от неё было мало.

Но вот настал день, когда все приготовления были окончены и ребята отправились в заброшенную шахту. Они решили проникнуть туда через другой вход — хозяин дома с серой крышей был теперь начеку и мог им всё испортить.

Дорога шла сначала по склону горы, потом спустилась в долину и, наконец, привела к перекинутому через поток мостику. Перешли на другой берег.

— Алеш, теперь ты веди нас, — сказал Мирт.

Алеш молча вышел вперёд. Вчера он ходил в разведку и знал кратчайший путь к входу.

Ребята вошли в лес и сразу почувствовали приятную прохладу. Было ещё рано, но солнце уже сильно припекало.

Рушка то и дело отбегала в сторону и, склонившись над кустом черники, торопливо отправляла в рот вкусные ягоды.

Вдруг Петер остановился и, стукнув себя по лбу, горестно воскликнул:

— Ёлки-палки!

— Что с тобой? — испугались ребята.

— Змея ужалила? — в страхе спросила Рушка.

— Забыл батарейки, о-о-о! — простонал Петер. — Подождите меня, я мигом!

И он так припустил по тропинке вниз, что только пятки засверкали. Белко бежал за ним.

— Петер верен себе, — ворчал Мирт, садясь на мох.

— А сам вчера всё твердил нам, чтоб не забыли верёвки, фонарики, фуфайки...

Не прошло и десяти минут, как они снова слышали лай собаки.

— Белко?

— Так быстро?

— Может, батарейки сами бежали навстречу, — засмеялась Рушка.

И вправду, вскоре из-за поворота показались Петер и Белко. Петер так запыхался, что прошло несколько минут, прежде чем он смог сказать, что вообще ничего не забывал и злополучные батарейки преспокойно лежат в кармане рюкзака.

Маленький отряд снова пустился в путь.

Осторожности ради решили сделать крюк и обойти шахтёрский посёлок.

— Уже недалеко, — сказал Алеш, когда они вышли на шоссейную дорогу. — И давайте прибавим шаг, чтобы ни с кем не встретиться.

Пройдя по шоссе метров триста, ребята свернули на просеку, по которой возили с горы лес. Просека походила на выдолбленное в горе русло реки.

— А вот и вход! — радостно воскликнул Алеш.

У самого входа буйно разросся кустарник, и всё же с первого взгляда можно было заметить, что им пользовались. К нему вела протоптанная дорожка.

— Смотрите, — сказал Мирт, внимательно вглядываясь в следы. — Видно, тут уже кто-то был.

— Может, здесь тоже погреб? — предположил Алеш.

— Свои следы не узнал? — махнул рукой Петер. — Ведь ты ходил вчера в разведку.

— Ну знаешь, я не слон, чтоб за один раз так вытоптать траву!

— Да какое нам дело до этих следов! Не плакать же нам из-за них! — возмутился Петер.

— Никто и не плачет, — возразил Мирт. — А осторожность нам не повредит. Кто знает, чьи это следы...

Вход был без двери и вообще находился в полном запустении.

— Начнём, пожалуй, — решил Мирт. — Я пойду первый, за мной Петер, а Алеш будет прикрывать нас.

— Как настоящие партизаны! — воскликнул Петер. — А про Рушку ты забыл?

— Ничего не забыл. У Рушки своя задача. Она останется снаружи, спрячется в кустах и будет вести наблюдение за входом. При первой же опасности она подаст нам сигнал.

— А что ты считаешь опасным? — поинтересовалась Рушка.

— Ну, если кто-нибудь появится здесь, или войдёт в шахту, или что-нибудь в этом роде...

— Ладно... Только скажите, как мне дать этот самый сигнал.

— Я же вчера объяснял.

— Наверно, я думала о Ласке и прослушала, — невозмутимо сказала Рушка.

— Тогда слушай внимательно... Видишь эту верёвку? Мы будем её разматывать, чтоб не заблудиться в шахте. Если вдруг заметишь поблизости неприятеля, сразу тяни за верёвку. Поняла?

— Конечно. Ты же не по-китайски говоришь.

— Значит, можно идти. Петер, Алеш, надевайте на себя всё, что у вас есть... Так. Готовы?

— Да.

— А теперь спрашиваю вас в последний раз: вы твёрдо решили помогать мне? Ещё не поздно передумать...

— Ни за что не потащился бы к этой дыре, будь это несерьёзно, — решительно заявил Алеш. — Обо мне можешь не беспокоиться.

— И я перестал бы быть Петером Растяпой, если бы у меня вдруг затряслись колени со страху. Правда, Белко?

Белко подтвердил его слова лаем.

— Твой Белко, конечно, добрый пёс, — сказал Алеш, — только научи его не тьявкать без дела.

— К сожалению, это невозможно, — вздохнул Петер и с грустью посмотрел на собаку.

Один конец верёвки Мирт привязал к дереву, и Рушка, прислонившись к стволу, провожала глазами ребят, пока их не поглотило тёмное жерло шахты.

Рушка, прислонившись к стволу, провожала глазами ребят.

Петер освещал путь карманным фонариком. Мирт крепко держал в руках медленно разматывавшийся клубок. Вдруг он почувствовал, что верёвка натягивается. Ребята остановились. И правда: Рушка звала их.

— Что ещё там?

— Ну вот, не успели начать, и уж извольте назад, — заворчал Петер.

— Алеш, узнай, в чём дело, — распорядился Мирт. — Мы здесь подождём.

Алеш, согнувшись, побежал к выходу. Мирт и Петер сели на землю. Петер в нетерпении осветил длинную штольню.

— Гляди-ка! — вдруг воскликнул он. — Железный лом!

Ребята встали и подошли к странной находке. Действительно, здесь лежала куча всякого железного хлама.

— Я, Петер Растяпа, заявляю, что это не сороки натаскали...

— Разумеется, — пробормотал Мирт.

Вернулся Алеш.

— Что случилось?

— Ничего особенного. Уж эта мне Рушка — увидела прохожего и сразу бить тревогу.

— Просто ей скучно. Чего доброго, раздумается про свою Ласку и про нас совсем забудет. Нечего сказать, хорошего часового поставили!

— Я ей сказал, чтоб не отвлекала нас по пустякам.

Белко, поджав свой длинный тонкий хвост, в страхе жался к ногам Петера.

— А у храброго Белко не очень-то весело на душе, — насмешливо заметил Алеш.

— У нас тоже, — не остался в долгу Петер. — Особенно, если принять во внимание кучу железа.

— Не будем ломать над этим голову, — вмешался Мирт. — Мы не за тем сюда пришли.

Однако, пройдя шагов десять, они натолкнулись на новую кучу.

— Может, здесь добывали не уголь, а железо, — пошутил Петер, — и шахтёры так спешили покинуть ненавистное подземелье, что забыли про эти кучи.

— Вот голова садовая! — рассердился Алеш. — Будто не видишь, что это не железная руда, а железо, уже побывавшее в употреблении.

— Хватит препираться, — подал голос Мирт. — Мы пришли сюда не ради железного лома, так что оставьте его в покое...

Петер и Алеш умолкли. Петер тащил Белко за ошейник, пинками поддерживая в нём бодрость духа. Ему было стыдно за своего четвероногого приятеля.

— Мы прошли сто метров, — объявил Мирт, когда клубок размотался до конца.

Не успели они начать второй, как Петер приглушённо воскликнул:

— Ура, мы в зале!

Все трое осветили зал и в ту же минуту застыли, точно громом поражённые. Посреди зала высилась огромная куча железного лома.

— Это уж не шахтёры забыли, — тихо сказал Алеш.

Ребята подошли к куче. Петер нагнулся, взял кусок рельса и заговорил:

— Не будь я Петер Растяпа, если это железо ещё неделю назад не лежало на складе добрыйского металлургического завода.

Открытие ошеломило ребят. Несколько минут они стояли в полной растерянности. Один Петер с невозмутимым видом ходил вокруг кучи и, беря в руки кусок за куском, со знанием дела определял их назначение. Мирт крепко держал конец верёвки, боясь проморгать сигнал, который могла дать Рушка, чтоб преподнести им очередной сюрприз.

— Помните, зачем мы пришли сюда, — пришёл в себя Алеш и зашагал по залу. — Давайте искать дневник!

Сноп света порывисто бегал по сухим скалистым стенам. Дышалось здесь значительно легче, чем в узкой сырой штольне.

Но Мирт уже не мог успокоиться. У него было такое ощущение, будто кто-то чужой проник в его святая святых и неусыпно следит за ним из своего укрытия. Очень может быть, что воры где-то здесь, стерегут каждое их движение и с минуты на минуту выскочат и закроют выход. Лучше поскорее вернуться наверх.

Алеш и Петер и слышать не хотели о возвращении.

— Я так решил, и всё тут!

— Как хочешь, — покорно пожал плечами Петер. — Ты командир. Наше дело подчиняться.

— Надо заново всё продумать, — сказал Мирт. — Пошли скорее, пока нас здесь никто не застал.

Едва он проговорил эти слова, как Белко залился громким лаем. Все так и замерли на месте.

— Не пугайтесь, это я наступил ему на лапу, — успокоил их Петер.

Каждый втихомолку вздохнул с облегчением.

— Я же говорил, что Белко всегда лает невпопад, — сказал Алеш.

Ребята быстро пошли к выходу, сматывая по пути верёвки в клубок. Через несколько минут они уже увидели яркий дневной свет.

— Как вы быстро нашли дневник! — воскликнула Рушка и обняла молодое деревце. — Где же он?

— Оставили на месте, — ответил Петер. — Тяжёлый очень.

— Никто не появлялся? — спросил Мирт.

— Появлялся. Какой-то дяденька. Туда пошёл. — И Рушка показала на дорогу, по которой удалялся незнакомец.

— Он подходил к тебе?

— Да, мы поговорили немного.

— И ты не дёрнула верёвку?!

— Но он был совсем не подозрительный... Мы немножко поговорили, и больше ничего... Ведь Алеш не велел мне отвлекать вас по пустякам...

— А ты, конечно, знаешь, что пустяк и что не пустяк, — надулся Петер.

— Стало быть, вы разговаривали, — злился Мирт. — Он спрашивал, что ты тут делаешь?

— Да, спрашивал, — нисколько не смущаясь, ответила Рушка. — Я сказала, что стою на страже.

Петер схватился за голову и закружился на месте, что означало у него высшую степень огорчения.

— Надеюсь, ты не сказала ему, кто мы такие, — сжал кулаки Алеш.

— Сказала. Он говорил со мной ласково и вовсе был не подозрительный... Но он знает только Петера...

— Только меня! Да меня же знает целый свет да ещё воры в придачу! — стонал Петер.

Мирт подошёл к ней вплотную.

— Скажи, мы присягнули никому не выдавать нашу тайну?

— Присягнули, — приветливо улыбнулась Рушка.

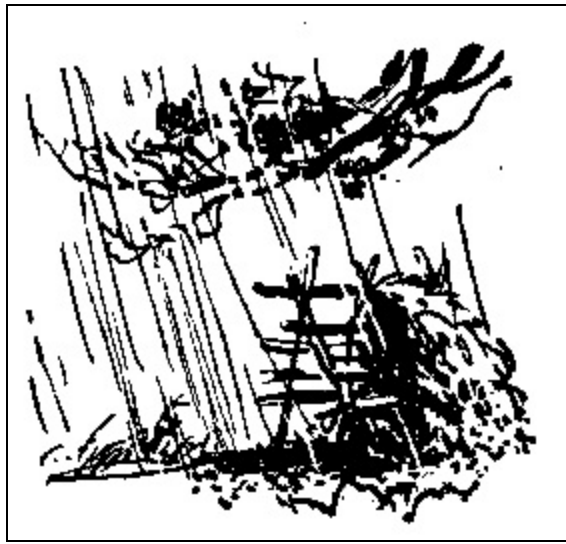
— И ты в первый же день нарушила присягу?!

— Нет, не нарушила, — оскорбилась Рушка. — Я же не сказала, что вы там ищите. Можете догнать его и проверить.

— Пошли отсюда, — сердито приказал Мирт. — Сейчас же!

По дороге в долину Мирт снова и снова обдумывал и перекраивал свой великий план. Петер то и дело повторял сквозь смех:

— А ведь если разобраться, Рушка и в самом деле не нарушила присягу...

Глава девятая

СОБЫТИЕ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ВЕЛИКИМ ПЛАНОМ

Было около полудня. Солнце высоко стояло в небе. Большие, рыхлые облака степенно проплывали мимо, слегка касаясь солнца своими краями.

Мирт и Петер валялись под деревом за домом. Мирт лежал на спине и, подмостив руки под голову, сквозь ветви смотрел на небо. Петер, лёжа на животе, грыз травинку. Оба думали о событиях последних дней. У Петера уже давно чесался язык, ему как-то легче думалось вслух, но Мирту — Петер это ясно видел — было сейчас не до разговоров. «Ладно, после обеда позову его на речку, — решил про себя Петер, — нельзя же все каникулы только думать да думать».

Во двор вошёл дядя Лекш и, опираясь на увесистую палку, нетвёрдо заковылял к дому. Вдруг он остановился и хмуро уставился на косулю, которая щипала траву в саду.

Петер взглянул на Мирта.

— Дядя в плохом настроении, — прошептал Мирт. — Хорошо, что Рушки нет дома... Придётся уходить отсюда... Лучше не попадаться ему на глаза, когда он такой.

Но тут дядя Лекш повернулся и решительно стал подниматься по ступенькам.

— Всё равно я люблю его, — сказал Мирт, когда дядя Лекш скрылся в доме. — Он ведь очень добрый. Один раз он взял меня с собой в лес, и мы пробродили там целый день. Дядя показал мне места, где прячутся олени, лисью и барсучью норы... А потом мы нашли дупло белки, видели выводок куропаток...

— Где Рушка? — услышали они вдруг крик дяди Лекша. — Опять где-то бродит. Никогда её к обеду нет. Ты всё потакаешь, да?

— Пошла к портнихе, сейчас вернётся, — спокойно отвечала тётя Кристина.

— Опять сам тащишь за сигаретами... — бушевал дядя. — Придёшь с работы совсем без ног, и сигареты нельзя выкурить, потому что любезной дочке угодно было отправиться к портнихе...

— Я сама схожу или пошлю Мирта, — сказала тётя. — А ты садись ешь суп.

— Без сигарет не сяду обедать, — проворчал дядя и подошёл к окну. Ребятам видно было, как он молча уставился на сад, где паслась Ласка. — Гм, она всё ещё здесь.

Тётя в испуге подбежала к окну. Когда дядя Лекш был пьян, все трепетали за косулю.

— Давно пора отправить её назад в лес, — сердито бубнил он себе в бороду. — Собакам и кошкам положено жить в доме, косуле — в лесу...

— Ты же знаешь, ради Рушки держим её здесь, только ради Рушки...

— Вот и пусть заведёт себе кошку, если ей нужно кого-то нянчить... Растим из неё какую-то размазню. Как она будет жить, такая пугливая? Сама ровно серна... От каждого шороха вздрагивает!

Дядя Лекш расправил плечи и засунул руки в карманы. Тётя Кристина опустила глаза, но тут же подняла их и посмотрела в сад.

— Лекш, а тебе не кажется, что было бы ужасно, если бы в лесах водились одни волки,

лисицы и кобчики? — спросила она едва слышно.

Дядя смутился и невпопад замахал руками:

— Эх, ты, сама не знаешь, что говоришь...

Он отошёл от окна и зашагал по кухне. Ребята слышали, как он сказал:

— Я пошёл за сигаретами...

— Пообедай сначала, — взмолилась тётя.

Но дядя Лекш в ответ только сильно хлопнул дверью.

— Хорошо, что Рушки нет, — сказал Мирт.

Петер встал.

— Сядь и не шевелись, пока он не будет на дороге, — велел ему Мирт. — Лучше, чтоб он нас не видел.

Дядя Лекш, продолжая брюзжать, вышел на порог.

— Когда я вырасту, никогда не буду пить водку, — шёпотом проговорил Петер.

Только он закрыл рот, как дядя Лекш рванулся вниз по ступенькам.

— Ложись! — приказал Мирт.

Ребята приникли к земле. Дядя, не заметив их, прошёл в сад.

Мирт и Петер, как по команде, подняли головы и посмотрели ему вслед. Дядя палкой распахнул калитку и направился прямо к косуле; та, сразу перестав жевать сочную траву, устремила на него внимательно-насторожённый взгляд. Беспokoйно прядая ушами, она неподвижно стояла на месте, словно её тонкие ножки вросли в землю. И только когда тётя крикнула в окно: «Лекш, оставь её!» — косуля вскинулась и побежала. Дядя грозно взмахнул палкой и пустился за ней вдогонку. Вдруг он сильно качнулся и грохнулся наземь. Падение ещё больше распалило его. Пыхтя и бранясь, он встал на ноги и, словно разъярённый волк, наклонив голову, вновь погнался за бежавшей вдоль забора косулей.

Тётя Кристина, закрыв лицо руками, не шевелясь стояла у окна. Мирт и Петер тоже замерли на месте.

Ласка прибежала в свой сарай, не подозревая, что это означало добровольную капитуляцию. Дядя без труда взял её за поводок и вытащил из сарая. Сперва она не хотела идти, упиралась. Но дядя, несмотря на кипевшую в нём злость, ни разу не ударил её палкой, нет, он даже пальцем её не тронул, как потом отчётливо вспоминал Мирт. Он вывел её из сада через заднюю калитку и повёл прямёхонько в лес. Косуля не сопротивлялась.

Мирт уныло побрёл на кухню. С Петером он простился, договорившись, что после обеда тот приведёт Алеша.

Мама ещё не вернулась с работы. Тётя Кристина тихими, неслышными шагами молча ходила по кухне. Мирт взял с полки «Двадцать тысяч лье под водой» и сел в угол. Но ему не читалось. С тяжёлым сердцем ждал он возвращения Рушки.

Дверь тихо отворилась.

— Здравствуйте, — извиняющимся тоном сказала Рушка и взглянула на Мирта.

Он смущённо опустил глаза, уткнувшись в книгу.

— Где ты пропадала? — каким-то чужим голосом спросила тётя.

— Долго пришлось ждать, — ответила Рушка.

— Обед давно готов, — сказала тётя, наливая в тарелку суп. — Садитесь быстро за стол!

Рушка подошла к окну и облокотилась на подоконник.

— Мама, а где косуля?

— Наверное, в сарае... Садись за стол.

— Пойду посмотрю...

И выбежала из кухни.

— Рушка! Куда ты?

У тётки Кристины задрожали руки, половник упал на плиту. Мирт ещё больше сжался.

Рушка скоро вернулась.

— Где косуля?! — прерывающимся от бега голосом крикнула она с порога. — Скажите, где косуля?!

Тётя Кристина старалась быть как можно спокойнее.

— Рушка, садись, пожалуйста, за стол. А то суп опять остынет.

Но Рушка вихрем подлетела к Мирту и, едва сдерживая слёзы, взмолилась:

— Ну скажи же, что случилось?

Мирт в ответ только беспокойно заёрзал на стуле.

Рушка снова выбежала во двор. Тётя Кристина и Мирт слышали её шаги, удаляющиеся в сторону сада, и скрип калитки.

— Беги за ней, — с тяжким вздохом сказала тётя. — Приведи её обедать.

Мирт послушно встал, хотя не очень-то верил, что ему удастся привести Рушку.

Рушка стояла за сарайчиком и смотрела куда-то вдаль. Казалось, невидимые слёзы текут по её бледному лицу. Он позвал её, но Рушка не шелохнулась. Тогда Мирт мягко коснулся её плеча.

— Уйди от меня! — взорвалась Рушка и топнула ногой. — Уйди!

— Мама зовёт тебя обедать.

— Уходи отсюда! Уходи! Никого мне не надо! Никого!

— Мы с тётей Кристиной не виноваты, дядя тоже не виноват...

— Все вы виноваты, все, и ты тоже... Позволил увести её... А я-то считала тебя героем...

Такого удара Мирт не ожидал.

— А может... — смущённо забормотал он, — а может, косуле самой хотелось вернуться в лес... Она уже большая... Дядя ведь знает, он лесник...

— Они не любят меня, никто меня не любит... Разве ей было плохо здесь?.. Он силком увёл... я знаю...

— Я в самом деле ничего не мог сделать, — говорил Мирт, чувствуя, что Рушка права: он действительно жалкий трус, палец о палец не ударил, чтоб защитить Ласку. И, как бы оправдываясь, сказал: — Они пошли по той дороге...

— Уйди, оставь меня в покое, — решительно сказала Рушка.

Мирт повернулся и зашагал к дому, так и не справившись с поручением.

— Мирт, скажи мне... — тихим голосом вернула его с полдороги Рушка. — Скажи, он бил её?

— Даже пальцем не тронул. Честное слово.

Мирт видел по её лицу, что на душе у неё стало легче.

— А теперь уходи...

Мирт медленно брёл по двору...

После обеда он нетерпеливо всматривался в начинавшуюся от площади извилистую улицу. Наконец ребята пришли.

— Ты посылал за мной? Что случилось?! — крикнул Алеш, влетая во двор.

— Косулю дядя угнал в лес. Опять пьяный был.

— А теперь и Рушка пропала? Да? — задыхаясь, выдавил из себя Петер.

— Она ужасно расстроилась, когда узнала, не стала обедать, побежала к сараю и долго сидела там, а потом исчезла. Мы думали, она придёт обедать. Тётя чуть не плачет.

— Нельзя было оставлять её одну у сарая, — сказал Алеш.

— Ясно было, что она пойдёт искать косулю.

— Как-то не сообразил.

— Да найдём, ведь не иголка.

— Зайдём сначала в пивную Бранчурника.

— Пить или ещё зачем? — ухмыльнулся Петер.

— Увидишь, — отрезал Мирт и припустил по улице.

Алеш кинулся за ним. И Петеру ничего не оставалось, как последовать за товарищами.

В роще над пивной ребята остановились.

— Алеш, ступай погляди, там ли дядя Лекш, — сказал Мирт. — Мне нельзя, меня он сразу узнает.

Алеш спустился к пивной. Мирт и Петер сели на пень, вокруг которого росла низенькая травка. Несколько минут прошло в молчании.

— Таращились на него, как испуганные телята, когда он уводил косулю... — вздохнул Петер.

— По-твоему, надо было повиснуть у него на ногах?!

— Ну на руках, ёлки-палки! Где её теперь искать? Вот увидишь, обшарим всю Урсулину гору и вернёмся домой ни с чем.

— Найдём.

— Просто смех берёт — вместо дневника ищем девчонку, — ворчал Петер.

Вернулся Алеш.

— Дядя Лекш там. Сидит за столом, свесив голову на грудь...

— Не иначе Ласку пропил, — снова съязвил Петер.

— Петер!

— Ласка в лесу. Это я точно знаю. Дядя даже пьяный любит животных.

— А людей? Свою Рушку? Что ты на это скажешь?

— И людей. И Рушку.

Мирт, вопреки всему, верил в дядю.

— Ну, если так, пошли к нему и скажем, что вместе с косулей он увёл из дому и Рушку, — не унимался Петер Растяпа.

— Нет. Сами будем её искать... А дядя пусть идёт домой и ложится спать. Завтра он пожалеет о том, что натворил...

— Тогда сразу за дело.

— Алеш, ты пройдёшь пивную и у мельницы свернёшь в лес. А мы с Петером махнём через Темельнову гору. Встретимся в лесу у входа в шахту... Идёт?

— Идёт.

— По дороге спрашивайте прохожих.

Ребята разошлись. Алеш исчез за поворотом, Петер и Мирт пустынной лесной дорогой поднялись в гору. На развилке они разделились.

Петер бегом помчался дальше. Но вскоре остановился и, едва переводя дух, осмотрелся по сторонам. Сквозь редкие сосны, низко сгибавшиеся под напором ветра, виднелась площадь в посёлке. «Не станет она ждать меня на тропе», — подумал Петер и без долгих

раздумий свернул в лес.

Теперь он бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через пни и низенькие кустики и весело насвистывая. Вдруг прямо перед ним из кустов выскочил заяц. Петер вздрогнул, свист мигом оборвался. Несколько минут спустя он уже и сам не знал, кто это был — заяц или косуля, которую ищет Рушка и хозяйку которой ищет он сам. «Ёлки-палки!» — воскликнул Петер и сел на пенёк, чтоб хорошенько поразмыслить над тем, кого он видел. Но и сидя он не мог с точностью решить эту головоломку, однако сейчас ему мешала так и просившаяся в рот крупная, спелая черника.

«Если как следует разобраться, почему бы мне и не полакомиться... На голодный желудок и правда не отличишь зайца от косули».

И Петер сполз с пенёка в заросли черники. Вначале он срывал по яголке и тут же отправлял в рот. Затем он подумал: «Если с каждой яголкой колупаться, пожалуй, до ночи не наешься». И он набрал полную ладонь, зажмурился, широко открыл рот и, млея от блаженства, стряхнул туда сладкие, сочные ягоды.

Кто знает, как долго продолжалась бы эта восхитительная трапеза, если б вдруг он не услышал над собой яростный шум ветвей. Сомнений не было — надвигалась гроза. Не успел он и глазом моргнуть, как шум усилился и по лбу у него заструились тяжёлые капли дождя. Тонкая рубашка прилипла к спине. Птицы с громким криком метались в поисках убежища, кусты жались к могучим стволам.

Опрометью бросился Петер туда, где Мирт назначил сбор. В лесу стало совсем темно, сквозь кроны деревьев больше не видно было долины, и Петер решил, что сбился с пути.

«Сколько времени я лопал чернику? — с укоризной спрашивал он себя. — Может быть, уже вечер... Где Мирт и Алеш? И где гроза застала Рушку? Вымокнет до нитки, простудится и заболеет...»

А дождь лил как из ведра.

Петер радовался, что не взял с собой Белко. Хватит и того, что сам он промок насквозь.

Обеими руками отирал он мокрое лицо, а в душе всё росла тревога за Рушку. Петер и сам не заметил, как начал громко звать её.

Дождь всё лил и лил. Петер опять остановился. Вокруг был только дремучий лес да беспредельное чёрное небо.

«Ёлки-палки, теперь я и сам заблудился!» — заныло у него под ложечкой.

И тут он услышал за спиной тоненький голосок.

Так встретились Петер Растяпа и Рушка. Трудно сказать, кто из них потерялся и кто кого нашёл: Петер Рушку или Рушка Петера. Петер только сейчас увидел, что лес кончился. На опушке стоял полуразвалившийся шалаш. Туда повела его Рушка, там была её косуля. Все трое забились в угол, терпеливо ожидая, когда разойдутся тучи.

— Я догнала отца, — тихо рассказывала Рушка, — и осторожно пошла за ним следом. На опушке он остановился, показал косуле на лес и зашагал обратно. Ласка тоже повернула назад. Отец опять подвёл её к лесу, и опять косуля пошла за ним. Тогда я спряталась за деревьями и тихонько позвала её. Тут Ласка встрепенулась и радостно бросилась к лесу, а отец решил, что она примирилась со своей судьбой.

— Кто бы подумал, что ты у нас такая умная и смелая!

— Сама себе удивляюсь.

Ласка лежала у них в ногах, сосредоточенно глядя на утихавший дождь.

— Домой с ней нельзя, — сказала Рушка. — Да и я теперь домой не вернусь.

Чтоб отвлечь её от этих мыслей, Петер весело спросил:

— Хочешь есть? Конечно, хочешь, ведь ты не обедала! Смотри, дождь перестал.

Пойдём, я покажу тебе крупную, сладкую чернику...

Едва они сделали несколько шагов, как Петер крикнул:

— Лопни мои глаза, если за теми ёлками не стоят Мирт и Алеш! Подожди, я мигом вернусь.

— Только не вздумай хвастаться, что ты меня нашёл... Это будет нечестно...

Петер Растяпа прикусил язык — Рушка прочла его тайные мысли. Он и в самом деле собирался бросить им в лицо: «Ну, герои, где Рушка? Знаю, вы думали, Петер Растяпа её не найдёт, недаром же он Растяпа. Петер Растяпа тоже не лыком шит!» Теперь ничего такого не скажешь. Жаль.

— Обещаешь?

— Обещаю... — неохотно протянул Петер. И тут же добавил: — Рушка, и ты мне обещай... Не говори, пожалуйста, что ты меня нашла... А то Алеш лопнет со смеху...

— Ладно, не скажу, — улыбнулась Рушка.

Петер во весь дух помчался к друзьям, которые по-прежнему неподвижно стояли под ёлками. Он не видел, что они делали ему какие-то знаки, и бежал с победным кличем индейцев, хотя лучше бы ему добираться до них ползком и сообщить свою радостную весть шёпотом.

Алеш и Мирт встретили его дружными тумаками. Но Петер уже не мог остановиться. Ничего не понимая, он продолжал выкрикивать какие-то несуразные слова.

— Вот дубина! — приговаривали Мирт и Алеш, колотя его. — Бежим, спрячемся, чтоб нас хоть не узнали.

И, бросив своего незадачливого друга, они убежали. Петер остался один. Глаза его широко раскрылись, а сердце так и зашлось от страха, когда из-за елей выскочили два незнакомца и тоже стали лупить его, не жалея сил.

— Рыщут где не следует, молокососы проклятые! — орали они как безумные. — Что вы здесь забыли? Голову оторвём, если ещё раз сунете сюда нос...

Когда все они вновь собрались в безопасном месте, Мирт, глядя на Петера, потиравшего свои шишки, рассказывал:

— Встретились мы с Алешем у входа в шахту. А тут как хлынет ливень. Ну, мы сразу под ёлку... Вскоре к входу подкатил грузовик. Из кабины выпрыгнули три типа и принялись разгружать машину. Потом шофёр уехал, а двое стали перетаскивать железо в шахту... В это самое время ты заорал, и они увидели нас...

— Я узнал только шофёра, — сказал Алеш. — Работает на заводе. Мошенник, каких свет не видел.

— Завтра снова пойдём к Травнику. Самим нам не найти дневник.

— Уж это точно.

— Раньше надо покончить с ворами.

— Это крепкий орешек.

— Дневник так просто в руки не дастся.

— И шутить эти люди не любят, сами видели, — сказал Алеш, глядя на всё ещё бледного, поникшего Петера.

— Теперь они нас знают! Даже по улицам страшно будет ходить.

— Из-за воров вы совсем забыли про Рушку, — заговорил вдруг Петер.

— Неправда. Мы видели её.

— Ну и денёк сегодня — сначала Рушка, потом воры...

— Пошли домой!

— А как с косулей?

— В самом деле, что с ней делать?

Рушка молчала.

— Я знаю одно хорошее местечко! — воскликнул Петер. — И близко от вашего дома.

Предложение Петера приняли с энтузиазмом. Рушка и сама подумывала о тайном убежище для косули.

Ребята быстро спустились по тропинке в посёлок. Ласка временами отставала, чтоб сорвать листок с низкой ветки. И с потревоженных деревьев падали большие, прозрачные капли.

Глава десятая

СОВЕЩАНИЕ ПРИ ПОТУШЕННЫХ ФАРАХ

В широкую полуотворенную дверь гаража вошёл человек в дождевике. В нос ему ударил запах бензина и машинного масла.

Продолговатые окна под самым потолком скупо пропускали вечерний свет, из царившего здесь полумрака выписывались лишь очертания грузовиков. Человек остановился в дверях и вполголоса позвал:

— Вух, ты здесь?

Тишина. Потом вспыхнули фары, и человек в дождевике увидел, что в кабине кто-то есть.

— Иди сюда, — наконец откликнулся Вух, сидевший за рулём.

Человек в дождевике приблизился к кабине. Фары опять погасли.

— Давно ждёшь? — спросил пришелец. Он видел только силуэт своего собеседника.

— Приплёлся наконец! — сердито проворчал Вух. — Договаривались в девять, а?

— Жена не пускала без ужина, — оправдывался тот.

— Удивляюсь, как это она не уложила тебя спать с петухами, — съязвил шофёр.

Человек в дождевике собрался было что-то возразить, но шофёр Вух толкнул его в плечо: молчи, мол. Возле гаража слышались шаги. Кто-то постоял немного у дверей и медленно пошёл дальше.

— Опять какому-то идиоту не спится, — процедил Вух, как только шаги растворились в тихом вечере.

— А где Янжек? — шёпотом спросил пришелец.

— Был уже здесь. Я послал его за Марко.

— За Марко?! Зачем нам дети?

— Увидишь... И вообще ты слишком любопытен, Чок, — бурчал шофёр Вух. — Любопытство в нашем деле — верная гибель. Заруби себе на носу.

Опять кто-то шёл к гаражу.

— Идут, — сказал шофёр. — Янжек. Узнаю его шаги.

Дверь гаража мягко скрипнула.

— Вух?

— Я здесь... Привёл?

— Да.

— Входите и закройте дверь.

Когда вновь прибывшие вошли, Вух на секунду зажёл фары и тут же пригасил их. Скудный свет воровато растекался по полу. Вух вышел из кабины и сел на старый ящик возле притушенных фар.

— Садитесь! Живо!

— Надо спешить, — забормотал Янжек. — Марко я попросту выкрал. Домашние не знают, что он здесь.

— Тем лучше, — сказал Вух. — Присаживайся, парень!

Марко с нетерпением и любопытством в глазах подошёл к нему поближе, но не сел. Все

присутствующие были ему знакомы — он ежедневно видел их на заводе, где учился на механика. Янжек, его мастер — нос крючком, тощий как жердь, — только и знал, что покрикивать на учеников. Приступая к разговору, он обычно долго кашлял, а откашлявшись, спешил заверить собеседника, что это у него не чахотка.

— А вдруг с улицы заметят свет? — сказал Янжек, испуганно глядя из-под широкополой шляпы.

— Компания хоть куда, — насмешливо проговорил шофёр Вух. — Один трус, другой не в меру любопытен, у третьего молоко на губах не обсохло! Придётся мне вас учить уму-разуму...

Шофёр Вух был невысокий, щедушный человек с бегающими глазами. Волнистые волосы свисали ему на лоб, а пышные бакенбарды соединялись с длинными усами. Сигарету он не вынимал изо рта, даже когда говорил.

— Начнём, — с ожесточением выговорил Чок, приземистый коротыш с огромным носом и пухлыми губами. Он сильно сутулился, отчего казался горбатым, и прятал руки под наглухо застёгнутым дождевиком.

— Парню не надо ничего объяснять, — сказал Янжек. — Я с ним уже говорил.

— Тем лучше. Не люблю исповедоваться перед сопляками, — пробурчал шофёр. — Так слушайте. В тайнике уже много железа... Перестараясь-всё пойдёт прахом.

— Значит, пора его сбить с рук, — заторопился вставить своё слово Чок.

— Ты угадал. Я уже договорился с одним человеком в Загребе. Он мастер на такие дела.

— А как переправить железо в Загреб?

— Проще простого. Как раз сегодня я узнал, что на той неделе у меня будет три рейса в Загреб. Заодно прихвачу и лом...

— Значит, дело обстоит не так уж плохо, — медленно проговорил бледный Янжек.

— А раз так, зачем нам понадобился этот парень? — проворчал Чок.

— Да уж, конечно, не затем, чтоб отгонять от нас мух! — съязвил шофёр. И, помолчав, добавил: Садись, Марко... Ну!

Марко послушно сел против него. Он был невысокий, но крепко сбитый парень со скуластым лицом, на котором выделялись белые брови. Однако глаза смотрели как-то робко и беспомощно. Вух положил руки на колени и, немного подавшись вперёд, спросил:

— Марко, ты, наверное, знаешь Петера по прозвищу Растяпа?

— Знаю.

— Так. А может, он твой приятель?

— Нет, мы не дружим.

— Отлично.

На Янжека напал затяжной кашель. Все повернулись к нему.

— Кашляю вот, — тихо оправдывался он, — но это не чахотка...

— Что мне от того, — проскрежетал шофёр Вух, — я просто не выношу твоего кашля.

Янжек конфузливо опустил глаза.

— Петер и два его дружка пронюхали про наш тайник. Чёрт их знает, что они там искали.

— Вчера мы их опять видели у шахты, — добавил Чок.

— Да, дело-то не такое простое, как кажется, — заметил Янжек и покрутил головой. — Мальчишкам стоит только открыть рот, и плакало наше железо.

— А мы с ним так намучились, — вздохнул Чок.

— Сопляки проклятые! — сжал кулаки шофёр Вух.

— Железо — ещё полбеды, — испуганно бормотал Янжек, силясь подавить новый приступ кашля. — Будет хуже, если нас с завода выставят...

— Хватит ныть! — грубо прервал его шофёр Вух. — Не затем мы здесь собрались, чтоб про страхи рассказывать.

Все притихли и задумались. Марко, окинув взглядом компанию, стал осматривать гараж. От скудно освещённых людей и предметов падали едва различимые, расплывчатые тени. Гараж стоял в стороне от шоссе, и шум проезжавших мимо автомобилей сюда почти не доносился. И только лай собак порой врывается в тёплую летнюю ночь.

— Заманить их по одному в шахту и раз и навсегда заткнуть им глотки! — предложил вдруг Чок, и глаза его сверкнули каким-то зловещим огнём.

— Эх, не болтай глупости, — возразил Янжек.

— Не такая уж это глупость, — поддержал Чока Вух. — Иначе их не заставишь молчать.

Уж очень они дотошные и пронырливые...

— Я думаю, надо поскорее увезти железо... А потом пусть себе шляются по пустым штольням сколько хотят.

— До понедельника, дорогой мой, ещё четыре дня, а за четыре дня чего не случится. Раньше же даже гвоздя не вывезти.

— Значит, ничего другого не остаётся, как взять мальчишек на мушку, — заявил Чок.

— Наконец-то и ты сказал умное слово, — усмехнулся шофёр и обратился к Марко: — Парень, ежели желаешь себе добра, слушай меня внимательно. Понял?

Марко проглотил слюну и кивнул.

— Завтра же найдёшь Петера и его голоштанную команду. Подружись с ними во что бы то ни стало. Понимаешь? И держи связь со мной. Прилипни как банный лист. Ты сумеешь. Мальцы неопытны и доверчивы.

— И не жмись, держись как ни в чём не бывало, — наставлял его Чок.

— И не выдай себя. Это самое главное! — подняв кверху палец, изрёк Янжек.

— Понял свою задачу? — И шофёр Вух пронзил его острым взглядом.

Марко нерешительно кивнул.

— Докладывай нам о каждом их шаге, передавай все их разговоры... Только так мы застрахуем себя до понедельника от разных случайностей... Ну как, справишься?

Марко молчал.

— Чего молчишь как истукан?

— Да... Справлюсь, — тихо проговорил Марко.

— Почуешь опасность — мигом ко мне...

— Ладно...

— Янжек, слово за тобой, — сказал шофёр и локтем толкнул в бок сидевшего рядом с ним подручного.

Янжек откашлялся и заговорил скрипучим голосом:

— Ну, Марко, не сделаешь, как надо, пеняй на себя... Я твой мастер, помни это. И совесть у тебя нечиста — это тоже помни... Ведь всё ещё выясняют, кто в прошлый четверг сломал точильный станок...

Марко повесил голову.

Янжек снова закашлялся. Только он собрался сказав, что у него не чахотка, как Вух опередил его:

— Ладно, Янжек, ладно, это нам известно... — И обратился к Марко: — Теперь ты всё знаешь... Вопросы есть?

Марко, не поднимая глаз, отрицательно мотнул головой.

— Тогда пошли, — объявил Вух, вставая. — Ещё раз предупреждаю: до понедельника будьте готовы ко всему!

Вух залез в кабину и потушил фары. Вечерний свет, проникавший сквозь узкие оконца под потолком, снова заблестел на крыше грузовика. Заговорщики по одному покинули гараж и рассеялись в ночи.

Глава одиннадцатая

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ МАРКО. ЕЩЕ РАЗ У ТРАВНИКА

Мирт и Алеш молча сидели на брёвнах. Сильно пахло смолой, вразнобой стучали топоры на лесоскладе. Алеш упорно грыз соломинку. На шоссе показалась гружённая лесом машина. У склада она остановилась — цепи, обхватывавшие груз, оборвались, и красноватые брёвна с грохотом повалились на асфальт.

— А его всё нет и нет, — сказал Мирт, взглядываясь в пыльную дорогу.

— Пошли одни, — предложил Алеш.

— Лучше уж дождёмся! Когда он на глазах, спокойнее.

— Может, он просто забыл.

— Возможно... Или ждёт нас в другом месте.

— Давай сходим за ним. Отцу к двум на работу.

— Успеем.

Именно в эту минуту на раскалённой добела дороге показался Петер. Видно было, что он очень спешит. Рядом с ним шагал ещё один парень.

— Кто это?

— Может, Марьян Крайник?

— Он вчера уехал на море.

Алеш встал. Тут Петер увидел их, замахал обеими руками и, потянув своего спутника за рукав, со всех ног помчался к ним по узкому проходу между штабелями.

— О, да это Марко!

Мирт и Алеш спрыгнули на землю.

— Это Марко, сосед Петера... Работает на заводе. Славный мальй. Я познакомился с ним зимой на лыжных соревнованиях.

— А я-то думал, что ещё вас придётся ждать, — затараторил Петер, едва переведя дух. — Думал, вы опоздаете, а вы уж тут как тут...

Марко, не глядя на ребят, заправляя выбившуюся из штанов рубаху.

— Мы ходили под мост, к Ласке, — говорил Петер, садясь на ободранное бревно. — Ловко я придумал, а?

— Ты бы и блоху подковал, если бы сумел привязать, — язвительно заметил Алеш.

А Мирт сказал:

— Надеюсь, ты пришёл сюда не бахвалиться перед нами?

Петер широко раскрыл глаза.

— Извините, пожалуйста... Опять что-то ляпнул. А впрочем, сам себя не похвалишь — другие не догадаются.

— Ордена дают только за большие заслуги, — осадил его Мирт.

— Знаю, не видать мне ордена как своих ушей, даже если звезду достану с неба. Грудь у меня для орденов неподходящая, — грустно проговорил Петер. Но он не умел долго предаваться унынию. Ровно через минуту лицо его вновь озарилось улыбкой, и он весело

воскликнул:—Смотрите, я привёл с собой Марко!.. Живёт рядом, а никогда ещё так не разговаривали, как сегодня. Таких ребят, как Марко, только поискать. На него можно положиться.

И Петер сильно хлопнул его по плечу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы были у Рушки... — заговорил Марко, чувствуя, что молчать больше нельзя. — Видели косулю. Как там здорово! Уходить не хотелось.

— Ого, полюбил волк овцу! — восхищённо захлопал в ладоши Петер и высоко подпрыгнул. — Знай я про то раньше, оставил бы тебя там.

Мирт потерял терпение:

— Хватит лясы точить! Ты забыл, куда нам надо?

— Ну уж, нельзя человеку чего-нибудь и забыть. Марко пойдёт с нами. Примем его в нашу компанию? Чем больше людей, тем лучше. Марко — это сила! Поглядите, какие у него кулачищи. Словно учится на кузнеца у Мартина Крпана.

Мирт сердито кусал губы.

— Не можем мы принимать каждого встречного-поперечного, Петер. Ты отлично знаешь, что мы не за ягодами собрались идти.

— Ёлки-палки! Марко вам не первый встречный! Марко я давно знаю. А сегодня он открыл передо мной душу. Теперь я знаю каждый её уголок, каждую его мысль — словом, всё, поймите вы это!

Алеш взглянул на Мирта:

— Он и вправду хороший парень... Мать у него умерла в прошлом году, а отец и раньше о нём не думал... Он совсем один...

— А кулаки у него — суцкая находка для нас! — с жаром добавил Петер.

Но Мирт стоял на своём:

— Завтра поговорим об этом. Сейчас некогда.

Петер опять подпрыгнул.

— «Завтра, завтра»! Что мы за мудрецы такие, чтоб каждое слово взвешивать по десять раз... Мирт! Ты не веришь мне?

— Пошли, Алеш, — сказал Мирт и повернулся, чтобы идти.

Петер с самым несчастным видом бросился за ним.

— Мирт, подумай, пожалуйста... Я обещал Марко, что мы примем его и раскроем ему наш план...

— Ты любому готов пообещать звезду с неба.

— Петер, не дури, мы же сказали, что подумаем, — примирительно сказал Алеш и последовал за Миртом.

И тут заговорил Марко. Голос у него был тихий, почти умоляющий:

— Брось, Петер. Они правы. Почему они должны мне верить так, за здорово живёшь? Дело-то ведь серьёзное.

С минуту все молча смотрели друг на друга. Спокойный голос Марко всё ещё звучал в воздухе, разрушая разделявшую их невидимую стену.

— Может, ты и в самом деле годишься нам, — сказал наконец Мирт. — Кто знает, что нас ждёт... Однако время не терпит. Хватит препираться. Петер говорит, что знает Марко. Поверим ему на слово. Что скажешь, Алеш?

— Я думаю... думаю, что Марко можно сейчас взять к отцу, — с расстановкой произнёс

Алеш.

Петер Растяпа весело подскочил и, ударив себя кулаком в грудь, воскликнул:

— Если Марко подведёт, я сам себя накажу! Поднимусь на Темельнову гору и целых три часа кряду буду кричать в долину: «Я Петер Растяпа! Я Петер Растяпа! Не водитесь со мной! Не верьте мне!»

— Будем надеяться, что тебе не придётся себя наказывать, — засмеялся Алеш. — Правда, Марко?

Марко пробубнил себе под нос что-то невнятное, так что никто не понял, какого он мнения на этот счёт.

Едва ребята отворили калитку, как Алеш жестом остановил их:

— Отец в саду.

И он повёл притихших товарищей к беседке.

Услышав шаги, Травник отложил газету, снял очки и удивлённо воскликнул:

— О, да тут целая делегация!

Мальчики остановились у беседки, густо обвитой диким виноградом.

— Отец, нам надо поговорить с тобой, — торжественно начал Алеш.

— В таком случае подойдите поближе. Я же не индийский магараджа, чтоб вам нельзя было сидеть со мной за одним столом...

Ободрённые приветливой улыбкой Травника, мальчики уселись вокруг стола. Нерасторопному Петеру достался самый краешек скамьи.

— Кажется мне, что вашего полка прибыло, — сказал Травник, с любопытством рассматривая нежданных гостей.

— Да, беседка тесновата для нас, — вздохнул Петер, висевший между небом и землёй.

Мирт предостерегающе посмотрел на него.

— Надеюсь, на сей раз вас привёл ко мне не дневник, — сказал Травник, меряя их долгим взглядом.

— Уж не думаешь ли ты, что мы забыли про него! — вскипел Алеш.

— Он один у нас на уме, — прибавил Мирт.

— И вдобавок всё чертовски запуталось, — таинственным голосом сообщил Петер.

— Значит, вы меня не послушались. Значит, мне не удалось убедить вас, как опасна ваша затея... И Алеша втянули...

— Отец, мы пришли к тебе за помощью, — сказал Алеш, глядя отцу прямо в глаза.

Ребята притихли.

— За помощью, говорите? — повысил голос Травник. — Видно, я не ошибусь, если скажу, что молодые люди столкнулись с некоторыми трудностями...

— Я бы сказал, с железным ломом столкнулись! — выпалил Петер.

— Петер!

— Мирт, дай ему сказать.

Петер встал и заговорил быстро, горячо и вдохновенно, остановить его было невозможно.

— Да, мы ходили в шахту и набрали на железный лом. Мы добьёмся своего, чего бы нам это ни стоило. Перероем всю шахту, а дневник найдём... Но пока что мы нашли железный лом, несколько куч... Ёлки-палки, его натаскали с завода, я сразу понял!

— Занятно, очень занятно... — улыбнулся Травник. — Насколько я понимаю, кто-то

хранит там наворованный на нашем заводе металлолом.

— Правильно, — с жаром подтвердил Алеш. — И мы даже знаем, чьих это рук дело.

— Ну?!

— Конечно. Мы видели, как они разгружали машину.

— Да вы просто прирождённые сыщики! — смеясь, воскликнул Травник, не принимавший всерьёз пылкие речи мальчиков. Однако, не желая обижать их, тут же добавил: — Только мне почему-то кажется, что вы чуточку преувеличиваете, будто через лупу на всё смотрели...

— Нет, — возразил Алеш, обиженный неверием отца.

Петера тоже нелегко было сбить с толку.

— Конечно, мы смотрели во все глаза, — горячился он, — не то как бы мы увидели горы железа и трёх воров-великанов...

Травник громко расхохотался и, взглянув на Марко, спросил:

— А ты что сидишь, словно воды в рот набрал? Скажи хоть слово. Ты тоже видел горы железа и воров-великанов?

Все с нетерпением ждали ответа.

— Это правда, — едва слышно проговорил Марко.

Снова все умолкли. Мирт, Алеш и Марко сосредоточенно смотрели прямо перед собой, Петер беспокойно ёрзал на месте, а Травник продолжал смеяться.

— Ну, ежели так, чего вы от меня хотите? — спросил он, проявив, наконец, готовность продолжить разговор всерьёз.

— Мы хотим, чтоб вы пошли с нами, — с мольбой в голосе ответил Мирт. — В шахте вы сами во всём убедитесь.

— Дело срочное. Завтра же надо быть в шахте. В любое время воры могут увезти награбленное железо, — добавил Алеш.

— Операция должна пройти в абсолютной тайне, — тоном опытного сыщика сказал Петер. — Если воры почуют неладное, они постараются поскорее улизнуть или накроют нас в тёмных штольнях...

— Сто чертей! В хорошенькое дельце вы меня втравливаете, — сказал Травник и сделал страшное лицо.

— Всего лишь в шахту, — как бы вскользь заметил Петер.

— Петер! Помолчи, пожалуйста, три минуты, — взмолился Мирт.

Пожалуйста, молчу.

Петер скрестил на груди руки и крепко сжал губы.

Травник опять засмеялся.

— Очень вы строги с Петером, — сказал он сквозь смех. — Дайте ему сказать. У него душа всегда нараспашку. Бояться надо тех, кто скрывает свои мысли... Хорошо, я пойду с вами, ради Петера пойду; ужасно люблю ребят, которые никогда не морщат лоб...

Алеш остался недоволен ответом отца. Он показался ему недостаточно серьёзным.

— Отец, мы говорим серьёзно.

— А я как? Да, вы смелые ребята и настойчивые. И я охотно присоединюсь к вам. А заодно поищем и спрятанный дневник. Вот будет здорово, если мы его найдём.

— Обязательно найдём, обязательно! — с горячностью заговорил Алеш.

— Не отступлю, пока не выполню своё обещание.

— Ну что ж, и я пойду с вами. Надо помогать людям свято держать слово.

Ребята посмотрели на Петера, всё ещё плотно сжимавшего губы.

— Петер! — сказал Травник. — Три минуты прошли.

Петер жестом попросил их подождать ещё минутку и потом громко сказал:

— Я молчал целых шесть минут. Теперь у меня три минуты в запасе.

— Видимо, они тебе скоро понадобятся, — поддел его Алеш.

Все дружно рассмеялись.

— Завтра я не могу, весь день работаю, — заговорил Травник, успокоившись. —

Послезавтра после двух буду свободен... Встретимся в три, если не возражаете. Только смотрите хорошо подготовьтесь.

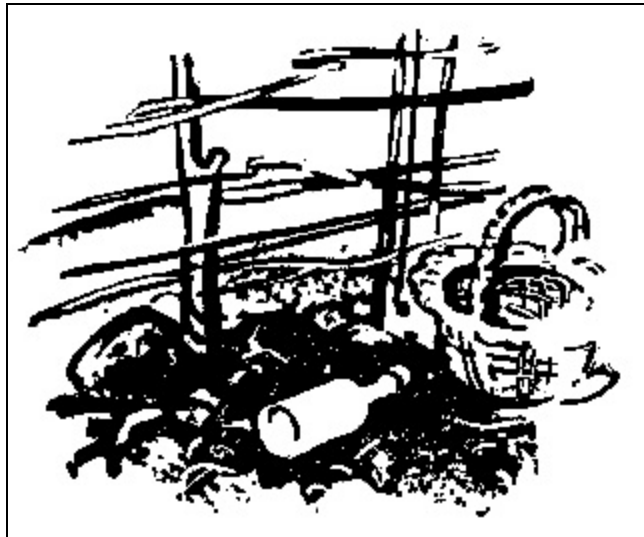
— Мы там были, знаем, что надо, — уверенно сказал Алеш.

— Уже были? Что ж, сынок, ты мне ничего не сказал...

Напоследок Травник ещё раз напомнил ребятам:

— Значит, послезавтра в три!

Петер и Мирт побежали в посёлок. Марко всё больше отставал от них. Ноги его словно налились свинцом, на сердце легла тяжесть.

Глава двенадцатая

У ЛАСКИ

Марко сидел за ольхой и тайком наблюдал за хлопотавшей возле косули Рушкой. Петер Растяпа нашёл для неё прекрасное убежище под большим мостом, который укрывал её и от дождя, и от людских глаз. К тому же река летом так обмелела, что даже у самых быков видно было песчаное дно с торчащими в нём валунами. Только друзья Рушки знали об этом убежище. Что же касается тёти Кристины и дяди Лекша, то они, введённые в заблуждение беспечальным видом дочки, полагали, что косуля гуляет себе на свободе, а Рушка даже и думать о ней забыла.

Марко видел, что Рушка чем-то озабочена. Он вышел прогуляться, и ноги сами привели его сюда. Ещё в первый раз он почувствовал к Рушке какое-то особое расположение. Косуля была для неё тем же, чем для него лошади. Часами мог он любоваться их горделивой поступью, царственной осанкой и умными глазами. А как празднично было у него на душе, когда ему удавалось взять в руки поводья. Бывало, мать ему говорила: «Марко, зря ты пошёл в механики, быть бы тебе кучером...»

«Уйду-ка я отсюда, — подумал Марко, — Рушка любит быть одна... Да и на заводе засмеют, если узнают, что я, как маленький, играл с косулей... А мастер Янжек так просто лопнет со смеху...»

Марко совсем уж собрался встать, как вдруг Рушка стремительно повернулась и задумчиво зашагала к ольхе. Подойдя к дереву, она схватилась за ветку и вдруг вскрикнула.

Уходить было поздно: Рушка видела его.

— Марко... Ой, как ты меня напугал!

— Я шёл мимо... — пробормотал Марко, заглядывая в её расширившиеся от удивления глаза.

— И не подошёл ко мне, прятался за деревом, как заяц... Помоги мне наломать веток. Надо огородить Ласку.

— Выберем ветки потолще. Ночью может и собака подкрасться.

— Конечно. Я очень боюсь... По-моему, она заболела. Почти не ест, всё время спит...

— В прошлый раз она так весело прыдала ушами...

— Наверно, скучает по нашему саду, по травке... Не привыкла она к шуму реки... А может, тоскует по лесу... Не знаю.

— Долго её нельзя здесь держать.

— Взгляни на неё, Марко.

И Рушка повела его под мост. Косуля неподвижно лежала на мягкой подстилке из свежего сена, сделанной заботливыми руками Рушки.

Рушка присела на корточки и нежно погладила её по узкой спине. Косуля медленно повернула голову. Глаза у неё были мутные и печальные.

— Она и вправду больна, — тихо сказал Марко.

— Не говори этого при ней, — Рушка приложила палец к губам, — Ласка всё понимает.

Печальные глаза Ласки как будто улыбнулись.

— Марко, ты очень спешишь? — спросила Рушка, беря его за локоть.

Он отрицательно мотнул головой.

— Тогда помоги мне сделать ограду... Ты верно сказал о собаках... Поможешь?

— Помогу.

Марко ломал у реки ветки, Рушка носила их под мост. Когда сучьев набралось достаточно, Марко стал камнем вколачивать их в землю.

Рушка подавала ему колья и следила за тем, чтоб они стояли ровно и прямо. Потом они вместе переплели колья прутьями. За делом Марко совсем забыл, что он убежал сюда от самого себя, что он уже не ребёнок, что кулаки у него могучие и сила богатырская. Сейчас

он был просто добрым и серьёзным малым.

Наконец ограда была готова. Марко горделиво оглядывал её со всех сторон, каждый раз находя какие-нибудь недоделки. Рушка под села к косуле:

— Ласка, теперь ты можешь не бояться собак...

Косуля задрожала всем телом.

— Тебе здесь страшно? И скучно? Что ж делать, потерпи денёк-другой. Скоро отец опять станет добрым-предобрым.

Марко молча сел рядом. Кругом была тишина, нарушаемая лишь тархтеньем проезжавших по мосту редких автомобилей и телег. Мост при этом вздрагивал и прогибался. Река журчала еле слышно, будто стыдясь своего почти пустого русла.

Вдали послышался звон.

— Полдень, — тихо произнёс Марко.

— Ты не пошёл сегодня на работу?

— У нас тоже каникулы.

Замолчали. Косуля положила голову Рушке на колени и закрыла глаза.

— Когда я вырасту, я буду лечить животных, — заговорила вдруг Рушка. — Всем буду помогать, даже воробью и муравьишке... Устрою больницу для животных. Я уже и название придумала-«Больница имени косули Ласки».

— А лошадей тоже будешь лечить?

— Буду. А что?

— Так. Я очень люблю лошадей.

Рушка приподняла голову Ласки, но та не открыла глаз.

— Я так боюсь, Марко... Вдруг Ласка умрёт?! — Глаза Рушки расширились от страха.

— Не бойся...

— Побудь со мной, Марко... Я очень боюсь, что она умрёт у меня на руках... Я ещё никогда не видела, как умирают люди: и животные... Когда у нас режут поросёнка, я весь день сижу дома...

— Ладно, побуду ещё немножко.

— Ой, как же я забыла! Ведь я принесла молоко.

Рушка бережно опустила голову косули на подстилку и побежала к стоявшей поодаль корзинке. Вернулась она с бутылочкой, доверху наполненной молоком. Но косуля не проявила к нему ни малейшего интереса.

— А как жадно она пила вчера, — горестно проговорила Рушка, снова кладя её голову к себе на колени. — Если бы точно знать, что её тянет в лес... А может быть, она думает, что мы её разлюбили и потому прогнали со двора...

Но Марко уже не слушал её, весь уйдя в свои мысли.

— Мне надо к ребятам, они ждут, — сказал он.

— Знаю. Сегодня в три вы идёте в шахту.

— Я не пойду, я не могу идти с ними, — скорее себе самому говорил Марко. — Конечно, меня сочтут предателем. И Петера подведу — ведь он за меня поручился... Но я всё равно не могу идти с ними...

— Есть о чём горевать! Они и без тебя всё сделают, — ободряюще воскликнула Рушка. — Эти задаваки всё любят делать сами. Про меня так просто забывают.

— Но шофёр Вух и его подручные тоже меня не дождутся... Велели до часу сообщить, если я замечу что-нибудь подозрительное...

— О чём это ты, Марко?

— Если я до часу к ним не приду, то они решат, что всё в порядке и можно спокойно увозить железо...

Глаза Рушки наполнились неподдельным изумлением.

— Как ты думаешь, я предатель?

— Не знаю, — испуганно ответила Рушка. — Знаю только, что ты добрый... Ты вот пришёл и остался со мной, ведь я была совсем одна с косулей...

Марко повернулся к ней и быстро заговорил:

— Ты ведь слышала, что в штольнях спрятан железный лом... Это они. Они велели мне подружиться с Миртом и его компанией и выведать ваши планы...

— Марко, Марко, не надо об этом, — растерянно шептала Рушка.

— Рушка! Сегодня что-то произойдёт! Шофёр Вух со своими... пойдёт в шахту за железом и потом...

Марко встал, чтобы уйти.

— Не уходи, пожалуйста... — взмолилась Рушка, повиснув у него на руке.

— Видишь, какой я трус. И все так говорят, хотя я могу одним ударом кому угодно свернуть шею.

— Ты не трус, Марко, ты просто очень добрый...

— Надо было признаться Петеру, сразу ему сказать, зачем я подружился с ними.

— Но ведь ты сказал сейчас мне, это всё равно.

— И сегодня надо было предупредить их, что Вух со своими тоже придёт в шахту, а я всё утро просидел с тобой...

— Они не одни, с ними Травник.

— Пусть Янжек заявляет, что это я сломал точильный станок... — горячо шептал Марко. — Пусть я получу выговор, но зато никто никогда не назовёт меня предателем...

Пронзительный крик Рушки не дал ему договорить.

Марко оглянулся. Косуля силилась опереться на передние ноги и дотянуться до Рушкиного лица, но внезапно рухнула ей на колени.

Рушка с плачем приникла к ней. Марко в растерянности топтался на месте. Потом он вдруг понял, что впервые в жизни кому-то нужен.

Рушка долго молчала. Казалось, она не замечала его присутствия.

Река неутомимо бежала своей дорогой, жизнь на мосту шла своим чередом.

После мучительно долгого молчания Рушка подняла голову. Глаза её смотрели по-другому. Теперь они знали смерть.

— Она умерла потому, что думала, мы её разлюбили, — едва слышно прошептала Рушка.

Марко не мог найти ни одного утешительного слова.

— А ограду мы сделали хорошую...

Никогда в жизни Марко не испытывал такого мучительного чувства полной беспомощности.

— Давай похороним её, — тихо вымолвила Рушка.

Марко нерешительно кивнул.

Рушка встала, держа косулю на руках. Бутылочка с молоком соскользнула с её колен на подстилку.

— Отнесём её в лес...

Всю дорогу Рушка несла косулю сама. Она шла с поднятой головой, затаив в глазах глубокую печаль и плотно сжав губы. Руки у неё онемели от тяжёлой ноши. Марко, понурившись, шёл сзади.

Остановились на маленькой полянке, сплошь устланной бархатистым мхом. Посреди поляны алел куст волчьих ягод.

Во мху вырыли могилу. Рушка непременно хотела, чтоб косуле было мягко.

Потом они долго сидели у могильного холмика, посыпанного дикими ягодами. С сосны на сосну порхали птицы, на солнечной опушке резвился фазан.

Далеко в посёлке пробили чуть слышно часы.

— Кажется, три, — тихо сказал Марко.

Глава тринадцатая

В ЗАСАДЕ

Внезапно Мирт остановился.

— А не послать ли нам сначала разведку? — спросил он серьёзно.

— Разведку? — снисходительно улыбнулся Травник, но, увидев обращённые на него внимательные глаза мальчиков, добавил: — Ну, если вы думаете, что это надо...

— Осторожность не помешает.

— Тем лучше, поймаем их с поличным.

— Давайте я пойду, — предложил Алеш.

— Хорошо, — согласился Мирт и взглянул на Травника.

Тот одобритительно кивнул.

Алеш побежал по лесной тропинке и вскоре исчез между деревьями. Мирт и Петер шли так быстро, что Травник едва поспевал за ними. Петер был мрачнее тучи: Марко не пришёл. Что подумают друзья? И всё же он и мысли не допускал о предательстве. Просто с Марко стряслась какая-нибудь беда, ну, к примеру, сломал ногу или попал под машину...

— Марко уже у входа, — неожиданно обронил Мирт.

— Ты думаешь?

— Вот увидишь. Только ждёт он не нас, а своих приятелей-воров.

Петер заступил ему дорогу и, сжав кулаки, прохрипел:

— Если это правда, то я покажу ему, где раки зимуют! Ёлки-палки, обязательно покажу!

Травник похлопал Петера по плечу:

— А ты, брат, знаешь, где они зимуют?..

Петер даже рассердился на Мирта.

Шли молча. Травник время от времени останавливался, чтоб сквозь ветви полюбоваться долиной. Ребята тоже замедляли шаг, но с иной целью — чтоб быть всем вместе.

— Видите, ребята, вон ту дорогу? — говорил Травник. — По ней мы с отцом Мирта ходили во время войны. Большею частью ночью... Потом мы ушли под землю и там ждали связных... Как изменилась теперь эта лесная тропа!.. Мир... В долине солнце, торопятся по своим мирным делам люди.

Травник только было увлёкся рассказом, как вдруг Петер воскликнул:

— Смотрите, Алеш!

И он показал на холмик неподалёку от тех самых сосен, возле которых его настигли тяжёлые кулаки воров.

— Кажется, он машет нам, — сказал Травник.

— Только непонятно, что это значит.

— Давайте осторожно подойдём к нему, — заговорщицким тоном предложил Травник, всё ещё уверенный в том, что участвует в мальчишечьей игре, в какие и сам играл в своё время. О, сколько раз был он главарём разбойников! И Травник улыбнулся, вспомнив, как хныкал начальник полиции, если ему не удавалось схватить его и заковать в кандалы.

Только подойдя к Алешу, они поняли, что означают его жесты, — поблизости ни души.

— Всё равно разведчики так себя не ведут, — выговаривал ему Мирт. — Болтаешь

руками, словно тебя душат.

— Может, из-за тебя воры и затаились, — ввернул Петер Растяпа. — Сидят где-нибудь в сторонке и смотрят нам прямо в рот.

— Хоть бы один влетел к тебе в рот, чтоб ты не разевал его когда не следует!

Травник, с улыбкой слушавший их перепалку, сел у высокой сосны, отёр потный лоб и сказал:

— Сначала немного отдохнём. Усталый человек туго соображает...

Но Мирту было не до отдыха.

— Пошли лучше поскорей в шахту. Сегодня надо хорошенько поискать дневник. Товарищ Травник, мы очень надеемся на вашу помощь...

— Очень-то вряд ли я вам помогу, — возразил Травник, — разве чуть-чуть... С удовольствием покажу все наши места. Увидите, где мы спали и где отец Мирта писал дневник... Я всегда поражался его работоспособности. Возвращаясь в шахту, мы просто с ног валялись от усталости. Стоило мне прилечь, как я мигом засыпал, как бы ни было жёстко и холодно. А отец Мирта писал при коптилке, писал и говорил: «Знаешь, Руди, нельзя допустить, чтоб было забыто то, что мы сегодня пережили...» И правда, каждый день приносил что-нибудь новое...

Наступила тишина. Все взгляды были прикованы к находившемуся в двух шагах отсюда входу. Ветер затаился в верхушках сосен. Птицы тоже отдыхали. Вокруг царил покой, летний полуденный покой. Но наслаждался им один лишь Травник. Мальчикам, полным напряжённого и счастливого ожидания, не терпелось поскорее приступить к работе.

— Хватит тянуть время, — сказал, наконец, Алеш. — Дело нам предстоит нелёгкое.

— К тому же к вечеру надо быть дома, не то отец оставит меня на улице.

— О, в таком случае придётся поспешить! — воскликнул Травник, поднимаясь. — Не спать же Петеру на голых приступках!

Вскоре все были у входа. Мирт и Алеш внимательно осмотрелись. Ничего особенного они не обнаружили, и всё же каждая примятая былинка, малейший шорох и каждый отпечаток ног вызывали у них подозрение. Травник украдкой посмеивался над ними.

— Кто-то должен остаться здесь, — сказал Мирт.

— Зачем? — возразил Травник. — Вы же сами убедились, что разведка была излишней предосторожностью.

— Я читал уйму книг про партизан и отлично помню, что каждая часть имела свою разведку и охрану, — стоял на своём Алеш.

— Пусть останется Петер, — решил Мирт.

— Я?! А почему это я?

— Потому... потому что кому-то надо стоять на часах. На всякий случай. Если воры подойдут к шахте, немедленно дай нам знать.

— Телеграммой или, может, заказным письмом? — обиженно спросил Петер.

— Только смотри не бери пример с Рушки. Не вздумай играть в камушки с хапугой...

— А почему не поиграть, если найдутся желающие? Ёлки-палки, непременно поиграю!

И, отвернувшись от друзей, он сел на землю.

Травнику стало жаль его:

— Обойдёмся без часового. Идём с нами.

Но не успели Мирт и Алеш что-либо возразить, как Петер снова повернулся к ним и горячо воскликнул:

— Терпеть не могу жалости! Я знаю, почему вы не берёте меня с собой. Вы мне просто не доверяете.

Мучительное молчание нарушил Травник.

— Петер, — сказал он, — мы оставляем тебя на часах потому, что это очень важное и ответственное дело. В партизанах зоркие и надёжные часовые много раз спасали целые батальоны...

Петер взглядом поблагодарил его и обратился к товарищам:

— Вы тоже так думаете?

— Конечно, — хором ответили Мирт и Алеш.

— Тогда я остаюсь. Можете спокойно идти в шахту.

Маленький отряд на ощупь продвигался по полутёмной штольне. Вскоре он завернул за угол, и крошечное светлое пятнышко за ними погасло. Мирт шёл первый, за ним Алеш, замыкал шествие Травник. Холод, охвативший их поначалу, теперь не чувствовался.

На минутку задержались у кучи железного лома.

Травник многозначительно покачал головой.

— Довольно-таки странно, — сказал он у следующей кучи, — два года тому назад, когда я приходил сюда в последний раз, этих куч не было...

Двинулись дальше. Травник озабоченно хмурил брови.

Наконец штольня расширилась.

— В последний раз мы дошли досюда, — сказал Алеш.

Мирт медленно осветил зал карманным фонариком. Все увидели искореженные куски металла, напоминавшие чудовищных каракатиц.

— Что скажешь, отец? — сдавленным голосом спросил Алеш.

— Ничего не скажешь, хороший тайник нашли, — пробурчал Травник. Он всё ещё не мог взять в толк, где кончается правда и где начинается игра воображения мальчишек. Как бы там ни было, старая шахта обогатилась ещё одной тайной.

Мирт водил фонариком по залу, по горе железных каракатиц.

— А куча вроде бы стала больше, — заметил Алеш и обошёл её вокруг.

— Ждут удобного случая, чтоб вывезти наворованное добро, — сказал Мирт.

Травник старался представить себе действительный ход событий.

— Хотите, я покажу, где мы прятались? — спросил он, чтоб выиграть время. — В последний раз там всё было по-прежнему... Алеш, дай мне фонарик.

С фонариком в руках Травник направился в угол тёмного зала. Алеш и Мирт с любопытством шли за ним. Правая стена была скалиста и очень высока. Травник привычным движением нащупал ступеньки и начал подниматься, ловко помогая себе руками.

— Ребята, будьте осторожны, ступеньки скользкие и узкие. Не спешите.

Мирт и Алеш чуть ли не ползком карабкались за Травником, ноги их впервые касались невидимых ступенек. Скоро они оказались на высокой площадке. Травник на всякий случай велел им отойти подальше от края, потом поднял с земли камень и бросил его вниз. Только теперь ребята почувствовали высоту. Дышалось здесь легче, чем внизу.

— Значит, вентиляционный ствол ещё не засыпан, — весело сказал Травник и повёл ребят в угол площадки.

Струя свежего воздуха здесь была ещё сильнее.

— По этому стволу поступает воздух, — объяснял Травник. — Он очень длинный и винтом поднимается к вершине горы. Как-то нам пришлось выбираться из шахты по нему.

— Значит, вы здесь скрывались, — тяжело вздохнул Мирт и осветил фонариком площадку.

— Да, — кивнул Травник. — Днём мы обычно отсиживались тут, а ночью уходили в долину за лекарствами, за бумагой для подпольной типографии, за едой, за информацией... Ночь мы превратили в день, а день — в ночь...

Луч света падал на простое соломенное ложе. По всему видно было, что на нём давно никто не спал.

Мирт опустил на колени и стал ворошить солому.

— Не теряй попусту время, — мягко сказал Травник. — Мы тут уже каждую соломинку осмотрели...

У Мирта опустились руки. Что же будет, если он не выполнит данного отцу слова? Мысль о неудаче будет преследовать его днём и ночью, не даст спокойно сидеть за партой. Дневник надо найти.

Но где его искать? Может быть, он всё ещё лежит в тайнике? А может, кто-нибудь случайно нашёл его и выбросил, не подозревая, какая это ценность? Или на него наткнулись немцы, когда обыскивали шахту?

При этой мысли Мирт впервые поник головой.

Вдруг откуда-то издали донёлся собачий лай. Все прислушались. Мирт насторожённо поднял голову.

Лай приближался. А вместе с ним и шаги.

— Потушите свет, — приказал Травник.

Через секунду все стояли на площадке в кромешной тьме.

Штольня погрузилась в таинственную тишину. Кучу железного лома поглотил мрак. Спины приятно холодила ветерок.

— Кто это? — нетерпеливо прошептал Алеш.

Но ответом ему было глубокое молчание.

И тут внизу громко прозвучал голос:

— Эй, Мирт, где вы?!

Ба, да это Петер!

Опять все зажгли фонарики. У выхваченной из мрака кучи железа стояли Петер и Белко.

— Пришёл показать нам собаку? — крикнул сверху Мирт.

— Воры! — прокричал в ответ Петер.

Все застыли, точно громом поражённые, хотя известие это было не столь уж неожиданным. Петер стоял посреди дрожащих снопов света и, не находя больше никаких слов, отчаянно размахивал руками. А с площадки один за другим сыпались вопросы:

— Ты их видел?

— В самом деле видел?

— Они уже у входа?

— На машине?

— Поскорее лезь к нам!

— Осторожно, ступеньки скользкие...

— Мирт, посвети мне!

— Ну чего ты там замешкался?

— Зачем приволок сюда собаку?

Петер молчал, не в силах ответить на все вопросы разом. Взяв Белко на руки, он стал

карабкаться наверх. Острые выступы на стенах больно царапали кожу. Белко негромко тьякал. Петер ласково успокаивал его и мужественно продолжал своё далеко не безопасное восхождение.

— Ёлки-палки, — бормотал он, с трудом преодолевая ступеньку за ступенькой, — что за лестница, ведь по ней впору ползти на пузе. Хороший бы я имел вид, если б по десять раз на день взбирался к себе на мансарду по такой лестнице...

Вот и верхняя ступенька. Мирт, Алеш и Травник разом протянули ему руки и быстро втащили на площадку. Петер, отдуваясь, сел. Травник присел рядом на корточки.

— Ну? — спросил он.

Петер поднял глаза, погладил Белко и ответил:

— Ну и высотыща!..

— Нет, я не о том. Что ты можешь ответить на наши вопросы?

— Ответ на них один: «Да!»

— Маловато, — раздражённо заметил Алеш.

— Ну, если хочешь подлиннее, то слушай. Сижу я у входа и насвистываю себе со скуки...

— Свистел?! — возмутился Мирт. — Ты сошёл с ума!

— А ты думаешь, мой свист привлёк их сюда?

— Ну говори, говори!

— Вдруг ко мне подкатилось что-то мягкое. «Ёлки-палки, что это может быть?» — подумал я и оглянулся. Нет, вы только представьте себе: Белко сорвался с цепи и прибежал ко мне!

— В другой раз посади его на цепь потолще!

— В любую минуту они могут быть здесь, — нетерпеливо проговорил Мирт. — Назад нельзя... Белко может выдать нас. Будем стоять тут, как на сцене.

— Белко дал мне честное слово, что не издаст ни звука, — улыбнулся Петер.

Мирт махнул рукой:

— И следом за Белко показались воры?

— Да. Приехали на машине. Но только я их первый увидел. И сразу спрятался. Они поставили машину на просеке. С шоссе её не видно.

В штольне что-то заблестело.

— Они уже здесь, — сказал Алеш.

— Видите, я не обманул вас, — гордо произнёс Петер.

Уже можно было различить торопливые шаги и голоса.

— Что делать?

— Притаиться в уголке, — сказал Мирт.

— Если будем сидеть тихо, как мыши, они нас не заметят, — сказал Травник.

— Не бойтесь, Белко будет молчать.

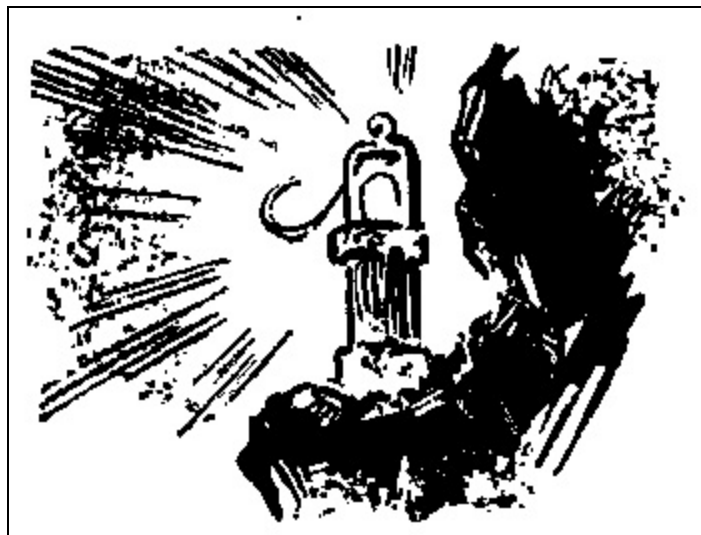
Мирт, Алеш и Травник прижались к холодной стене в углу, где лежала солома, а Петер и Белко полезли в вентиляционный ствол.

— Очень любопытно посмотреть на ваших разбойников, — улыбнулся Травник, всё ещё подвергавший сомнению рассказ ребят. «Минуту терпения, — сказал он себе, — сейчас станет ясно».

Ребята притихли. В зал вошли люди. Первый, в измятой шофёрской фуражке, нёс большую шахтёрскую лампу. Это был шофёр Вух. За ним следовал Чок в поношенном

дождевике и Янжек, то и дело приглушённо кашлявший.

Все трое остановились возле кучи железного лома. Шофёр Вух направил на неё зеленоватое пламя своего фонаря.

Глава четырнадцатая

ПЕТЕР ПОЛУЧАЕТ ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

Следопыты на площадке замерли в напряжённом ожидании. Мирт и Алеш временами озабоченно поглядывали на Петера, обеими руками державшего Белко. Правая рука его лежала на выгнутой спине собаки, левая прикрывала пасть.

Ребята с тревогой следили за каждым движением воров, в особенности за их фонарями, — они вовсе не хотели, чтоб их здесь обнаружили. Сюда, на площадку, доносилось каждое слово, даже произнесённое шёпотом.

— А железа порядочно накопилось, — заметил Янжек.

— Да, попотели мы с ним, — вздохнул Чок и провёл рукой по лбу, словно на нём до сих пор ещё были капли пота.

— Тоже мне залежи! В темноте иголка гвоздём кажется, а осёл — лошадьё, — заявил шофёр Вух и взмахнул рукой. Огромная тень всколыхнулась над кучей железа.

— Никогда не забуду, как тащил сюда эти рельсы, — пустился в воспоминания Чок, наступив на них кованым башмаком. Сталь тоненько запела. — Чуть не надорвался...

— Старая басня, — оборвал его Вух. — Скорее за дело. Машина может выдать нас с головой.

— Говорили же тебе, что лучше подождать до вечера, — проворчал Янжек и отрывисто закашлял.

— К ночи я уже буду у Целя, — процедил шофёр и поставил фонарь на маленький выступ в стене. Сноп света осветил всю кучу.

— Но так нас могут увидеть... — ворчал Янжек. — Лучше подождать, пока стемнеет. Спешка к добру не приведёт.

— Янжек прав, — заявил Чок, тряхнув своим мясистым подбородком, и ещё больше втянул голову в плечи.

— Заячьи у вас душонки! — злобно прошипел Вух и сплюнул. — Это вся ваша благодарность за то, что я раздобыл машину.

Но Чок и Янжек продолжали ворчать.

— Да и мальчишки могут заявиться сюда в любую минуту. Глупые ещё, горячие. Им бы только геройство своё показать. И глазом моргнуть не успеешь, как по-ковбойски накинута на тебя петлю или пустят в зад индейскую стрелу. И начнут с диким воем плясать вокруг нас. Не сойти мне с этого места, если они уже не раззвонили про железо на весь околоток... Брр, мурашки бегут по телу, как подумаю об этом!

— У меня тоже, — вздохнул Чок.

— Янжек, хватит об индейцах! Послушайте лучше меня. Могу вас заверить, что с такими трусами индейцы и дела не захотят иметь, — давился от смеха Вух. — Кроме того, Марко предупредил бы нас, если б сопляки задумали такое...

— Кстати, где он сейчас? — спросил Чок, подходя к нему вплотную. — Как пить дать, собак гоняет...

— У теперешней молодёжи ни страха перед мастером, ни почтения, — скривился Янжек.

— Гм, это тебя-то почитать? — не без ехидства проскрежетал Вух и тут же добавил: —

В случае опасности он обязательно придёт за нами. Я ему так велел!

— Не знаю, не знаю...

Травник потянул за рукав сидевшего рядом с ним Мирта и зашептал ему на ухо:

— Надо уходить через вентиляционный ствол... Скажи Алешу...

На четвереньках они приползли к Петеру. Разговор снизу едва доносился.

Ребята сбились в кучу и с нетерпением воззрились на Травника.

— Вижу, здесь и впрямь дело идёт о хищении железного лома. Нужно позаботиться о том, чтоб они не вывезли его отсюда.

— Правильно! — радостно воскликнул Алеш, бесконечно благодарный отцу за эти слова.

— Устроим кошачий концерт, — предложил Мирт. — Вот увидите, их как ветром сдует из шахты!

— Это было бы неразумно. Тем самым мы дадим вору уйти от возмездия.

— Тогда подкрадёмся к ним, окружим и свяжем, — прошептал Алеш. — У нас есть толстая верёвка.

— Это большой риск. Они сильнее нас. Один Вух чего стоит — настоящий Геркулес.

— Что же ты предлагаешь, отец?

Травник с минуту помолчал, глянул на кучу посреди зала, вокруг которой всё ещё в нерешительности стояли воры, и сказал:

— Надо идти в долину за подмогой.

— Я знаю, через вентиляционный ствол!

— Да.

— Но так мы можем опоздать.

— Если не случится ничего непредвиденного, то не опоздаем... Не очень то скоро перетаскают они такую гору железа. Меньше чем за два часа не управятся.

— Кто пойдёт в долину?

— Пожалуй, я сам, — сказал Травник. — Я хорошо знаю этот ход. Выбраться через него наверх не так просто.

— Нет, ты лучше останься здесь, — возразил Алеш.

— Пошлите меня! — взмолился Мирт. — Я вас сюда привёл, и мой долг взять на себя самое трудное.

И тут подал голос Петер Растяпа, до сих пор молча сидевший в глубине ствола.

— Позвольте мне выполнить это задание, — громко попросил он и снова привёл друзей в замешательство.

— Я против, — возразил Мирт. — Не справишься.

— Наша победа зависит от успеха этой операции, — добавил Алеш. — Не дури, возьми свои слова обратно.

— Не возьму ни за что, — отказался Петер.

— Петер! — вскрикнул Мирт так громко, что Травник невольно прикрыл ему рот рукой.

Но Петер и бровью не повёл.

— Слышали? Марко — предатель, — сказал он с горечью. — Я сдержу своё слово... Но сначала сниму с него скальп... Товарищ Травник, куда надо идти?

Травник молчал. На площадке было темно, но он знал, что ребята не сводят с него глаз. Сердце его сжималось от боли. Воры и железный лом на мгновение отступили на второй

план. Речь шла о вере в человека. И всё же трудно было посылать мальчишку на заведомо опасное дело. Особенно если принять во внимание его нерасторопность и просто фантастическую нескладность. Наконец, после долгих колебаний, он сказал:

— Иди, Петер... Я напишу записку начальнику милиции в Поляне...

И всё то время, пока Травник царапал записку при скудном свете карманного фонарика, пока он напутствовал Петера, Мирт и Алеш продолжали недоумевать. Спору нет, Петер их друг, и в трудную минуту он поддерживал Мирта своими письмами, и всё же в глазах друзей он оставался увальнем и растяпой. Хмуρο смотрели они вслед Петеру, быстро исчезнувшему в вентиляционном стволе вместе со своим неизменным четвероногим спутником.

— Надеюсь, он будет осторожен, — бормотал Травник, тщетно стараясь унять свою тревогу.

Прицепив фонарик к пуговице куртки, Петер на четвереньках двигался по узкому стволу. Он уже изрядно устал и запыхался, но и не думал давать себе передышку.

Вдруг позади жалобно заскулила собака. Петер сел и оглянулся. Луч света выхватил из мрака Белко, о котором он успел уже забыть. Свесив язык и искательно виляя хвостом, Белко смотрел то на хозяина, то в ту сторону, откуда они пришли.

И в ту самую минуту, когда взгляд Петера встретился с полными страха глазами собаки, сердце его сдавила тоска. Ход имел в ширину не более полуметра. Нависшая над ним скалистая громада внушала ужас. Тишина тоже действовала угнетающе. Словно боясь потерять единственного спутника, он судорожно вцепился Белко в загривок.

Петер вытер рукавом потный лоб и порывисто обернулся, как бы стряхивая с себя неприятные мысли. Потом, взяв собаку за ошейник, снова пустился в путь.

Ему казалось, что он давно уже ползёт по стволу, а прошёл совсем немного. Руки были в ссадинах и сильно ныли.

— Держаться, держаться! — шептал он не переставая. — Товарищи ждут помощи... Дорога каждая минута... Если я раскисну, если упущу драгоценное время, то навек останусь в их глазах растяпой, никчёмным болтуном и зубоскалом...

Неужели обо мне всегда так будут думать?

Назад нельзя. Я могу идти только вперёд.

Только вперёд!

Он почувствовал, что к нему снова вернулось мужество. Тяжёлые скалы в мгновение ока превратились в лёгкие ширмы, которые можно раздвинуть двумя пальцами. И воздух стал как будто свежее. Петер решил, что он уже близок к цели, и лицо его вновь озарилось благодушной улыбкой.

— Не соблаговолите ли вы, господин Белко, пройти вперёд? — с изысканной вежливостью произнёс Петер, направляя на него лучик света. — Говорят, мы удивительно похожи друг на друга. Всё делаем наоборот. Два сапога пара! Прошу вас, пройдите вперёд...

Но Белко не оценил столь тонкого обращения своего хозяина, и тому волей-неволей пришлось дать ему хорошего пинка.

— А ну-ка вперёд, дружище! Ну, смелей! У поворотов тьявкой, чтоб не случилось аварии.

Белко, на поверку самый обыкновенный пёс, каких много на белом свете, всеми четырьмя лапами отбивался от преимуществ, которые силой навязывал ему благожелательный хозяин. Неожиданно ствол начал круто подниматься вверх. Идти стало труднее. Петер остановился, чтоб перевести дух. Белко, не теряя даром времени, ловко прошмыгнул у него под локтем и снова оказался позади.

Ствол всё поднимался и поднимался. К счастью, грунт был каменистый и не осыпался под ногами. Вскоре Петер обнаружил, что его четвероногий друг не следует за ним. Он быстро обернулся и посветил фонариком.

Белко не было.

Петер громко позвал его. Белко не откликнулся. Не слышно было даже эхо.

— Сбежал, трусишка! — прошептал Петер, до слёз обозлённый изменой Белко. — Опять всё шиворот-навыворот. А я-то хвалился, что ему даже медведь нипочём... К тому же он может наломать дров. Залает с перепугу, и воры дадут Стрекача. Да ещё все решат, что со мной стряслась беда... Ёлки-палки!

И, сжав кулаки, Петер закружился на одном месте от досады.

«Чего же я здесь стою? — вдруг спохватился он. — Такого случая у меня больше не будет...»

И он быстро двинулся вперёд, мигом забыв про свои кровоточащие ладони, про ноющие коленки и про тесно обступившие его скалы. Ствол поднимался всё круче. Через не-сколько

шагов Петер сильно запыхался и вынужден был сделать передышку. Но тут у него так закружилась голова, что он едва устоял на ногах. Ему почудилось, что стены вдруг тронулись с места и пошли прямо на него...

Неимоверным усилием воли он сдержал уже готовый вырваться из груди крик и поборол головокружение.

— Я должен, должен выполнить задание! — упрямо твердил он, преодолевая губительную слабость.

Воля к победе сделала своё. Путь вперёд уже не казался ему страшным и непреодолимым, усталость как рукой сняло.

Ещё минуту назад у него было такое ощущение, будто он свалился с карусели и уж никогда больше не увидит дневного света. Теперь всё было иначе.

Он погасил фонарик. Но как ни напрягал зрение, не увидел ничего, кроме густой, вязкой и непроницаемой тьмы.

Петер снова зажёл фонарик и чуть было не упал в обморок от ошеломляющего открытия... Он стоял на перепутье. Вентиляционный ствол в этом месте делился на два хода.

«Ёлки-палки! Что делать? По какому идти? — в растерянности думал Петер, но тут же в голову пришла успокоительная мысль: ствол разделили для того, чтоб в шахту шло побольше воздуха, и, стало быть, оба хода ведут наверх.

Петер смело пошёл вперёд, но вскоре остановился в нерешительности. Самые противоречивые мысли вихрились в его разгорячённом мозгу. «А если этот ход уже засыпан? Лучше вернуться на развилку. Но ведь время на вес золота, и я теряю его, как последний дурак. А если оба хода засыпаны? — И Петер грустно улыбнулся. — Тогда всё пропало. Упустим и воров, и железо. Ёлки-палки!»

И, словно по мановению волшебной палочки, Петер опять стал самим собой. В мгновение ока лицо его прояснилось, душу охватила всегдашняя бодрость; он был полон упорства, настойчивости, готовности к самопожертвованию. Теперь ничто не мешало ему идти к заветной цели.

Внезапно руки нащупали вбитый в стену железный крюк. Он хорошенько осветил фонариком. Ствол почти отвесно поднимался вверх. Торчавшие в скале крючья как бы образовывали собой лестницу.

«Значит, я уже почти у выхода», — подумал Петер. Сердце его прыгало от радости.

Не обращая внимания на усталость, взбирался он по железным крючьям.

И вдруг над головой у него посветлело. Не веря своим глазам, он погасил фонарик.

Да. Над ним был свет. Дневной свет.

Он победил.

Ёлки-палки!

Глава пятнадцатая

РЕШАЮЩИЕ МИНУТЫ

Мирт, Алеш и Травник молча сидели на площадке. Глаза их были прикованы к возившимся возле кучи тёмным фигурам, но мыслями они были с Петером. Мальчики всё ещё дулись на Травника за его опрометчивый выбор. Травник с волнением думал о том, удастся ли Петеру благополучно выбраться наверх. Кто-кто, а он хорошо знал, сколько требуется мужества и присутствия духа, чтоб подняться по узкому длинному ходу.

— Где он сейчас? — прошептал Мирт.

— Ещё в шахте, — ответил Алеш.

Травник озабоченно пожал плечами.

— Ну и пусть эти пташки упорхнут, раз по-другому не выходит! — сказал Мирт. — По крайней мере спокойно займёмся своим делом.

— Нет, надо подрезать им крылышки, — возразил Алеш. — Эти господа готовы пустить по ветру весь завод.

— Пет, тише... — повернулся к ним Травник и приложил палец к губам. — Главное сейчас — остаться незамеченными.

Лязг железа внизу утих. Воры со своей ношей скрылись в штольне. Воцарилась тишина.

Первым вернулся Янжек. Постояв немного у кучи и покрутив головой, он сел на железный брус и закурил сигарету.

— Полнубуйтесь-ка на него, — оскалился Вух, входя в зал. — Ишь, расселся. Точно дома на диване. Знай себе покуривает. Может, ещё газетку дать?

— Присел дух перевести, — сквозь кашель прогундосил Янжек.

— Ну и помощнички у меня... Только и умеют, что баклуши бить, — ворчал Вух, набирая себе новую порцию железа.

— Значит, я тоже нехорош? — вскипел Чок. — Но я тебе не автомат, чтоб носиться туда-сюда без передышки.

— На вот, бери свою долю и дуй без разговоров, — огрызнулся шофёр.

Чок с досадой выхватил у него искорёженный брус и уже направился было к выходу, как вдруг Янжек сказал:

— Вроде где-то шаркнули ногой...

Все трое прислушались.

— Всюду тебе мерещатся призраки! — напустился на него Вух. — Навостри-ка уши — может, он шаркнет и второй ногой, ха-ха-ха...

— В первый и последний раз спутался с тобой, — сердито буркнул Янжек, надвигая на лоб широкополую шляпу.

— Только бы всё обошлось, — сдавленным голосом проговорил Чок. — А там ищи ветра в поле. Больше ты меня не заманишь в свои сети.

Шофёр широко расставил ноги и заложил руки за пояс. От него падала огромная чёрная тень.

— Ну и совестливые вы, как я погляжу. Ишь как раскудахтались!.. Когда я выложу перед вами денежки, вы от радости даже не спросите, от кого они — от бога или чёрта...

С минуту все трое пристально смотрели друг на друга. Потом Янжек опустил глаза, покашлял, взял кусок дырявой трубы и с ворчанием зашагал к штольне. Чок, взвалив железо на плечо, молча последовал за ним.

Шофёр Вух разразился громким смехом.

Наконец и он взял старую, проржавевшую ось и исчез в штольне.

А на площадке тем временем наступила паника. Из ствола выбежал Белко и жалобно заскулил.

— Это ещё что такое? — испугался Травник.

— Белко вернулся.

— Вижу.

— Он вернулся один.

— Мирт, возьми его, — приказал Травник.

Белко покорно дал взять себя за ошейник и, обведя всех благодарным взглядом, свернулся калачиком у ног Мирта.

— Давайте посмотрим — может, он принёс нам весточку от Петера, — предложил Алеш.

— Тогда зажгите фонарик!

Мирт лихорадочно осматривал собаку. За ошейником не было ни единого клочка бумаги. Белко прятал глаза от света.

— Скорее всего, ему стало жутко в узком, тёмном стволе, — сказал Травник. — Это надо было предвидеть.

— А если... если случилось несчастье... и Петера засыпало... — с сомнением в голосе предположил Алеш и взял отца за руку. Ему так хотелось, чтоб отец уверил его в обратном.

— Нет, нет... — зашептал Травник. — Это невозможно... Невозможно...

— Можно, я пойду к нему? — спросил Мирт. — Вдруг ему нужна помощь... Может быть...

Травник думал. Алеш и Мирт с тревогой ждали его решения.

— Я сам пойду, — сказал наконец Травник.

— Отец, пусти лучше меня! — взмолился Алеш. — Ствол узкий, я скорей доберусь до выхода.

— Нет, — решительно возразил Травник. — Вы оставайтесь здесь. Только смотрите не выдайте себя... Обо мне не беспокойтесь. Поняли?

Мальчики разочарованно кивнули.

Травник уже торопливо полз по хорошо знакомому ему вентиляционному стволу. Мирт и Алеш провожали его глазами. Вскоре его согнутая фигура растворилась во мраке, слышно было лишь шуршанье потревоженных им камушков. Но через несколько минут всё стихло.

Мирт и Алеш остались одни.

Мирт изо всех сил прижимал Белко к своей груди. Алеш, обхватив руками колени, смотрел вниз. Воры возвращались. По стенам уже протянулись их колеблющиеся искривлённые тени.

— Вернулись, — шепнул Алеш Мирту.

— Похоже, что мы сидим в пещере Полифема, — пробормотал Мирт. — Сидим и ждём, когда они нас увидят.

— Снизу не увидят.

— Ну тогда услышат.

И тут случилось именно то, чего они так боялись. То ли Белко решил подтвердить пророчество Мирта, то ли просто загрустил без Петера, только он вдруг яростно рванулся из рук Мирта и громко залаял. К счастью, Мирт успел ухватить его за задние ноги, не то бы он плюхнулся на кучу железного лома.

Лай Белко мгновенно взорвал тишину шахты.

Шофёр Вух вздрогнул и выронил только что взятое из кучи колесо. Янжек и Чок порывисто выпрямились и уставились в пустоту.

— Собака! — сухо выдавил Янжек.

Воры с застывшими лицами тщательно осматривали зал, освещая его шахтёрским

фонарём.

И в это самое время Белко снова залаял.

— Там! — хором воскликнули воры.

— Ба, да над нами площадка! — сказал Янжек, сдвигая шапку на затылок. — Держу пари, там кто-то есть.

— И он всё время шпионил за нами, — сказал Чок, да так и остался с открытым ртом.

— Чок, держи фонарь. Посветишь мне. Я полезу наверх, — забормотал шофёр Вух.

Но только он сделал шаг в сторону площадки, как Мирт закричал:

— Стой! Не то спустим на вашу голову хорошую глыбу.

— Очень подходящую для ваших крепких тыкв, — добавил Алеш.

Воры переглянулись.

— Это те самые сопляки, — узнал их Вух.

— Они и есть!

— Ага, что я вам говорил...

— Ишь, обнаглели как!

— Ничего, как влезли, так и слезут, — захохотал шофёр Вух. — Посыплются на пол, точно спелые груши, дайте только добраться до них.

Но тут с площадки прямо на кучу железа грохнулся большой камень.

Воры в ужасе отпрянули назад. А Янжек даже убежал в штольню.

— Ты слышал, Вух? — испуганно спросил Чок.

— А они вовсе не такие сопляки, как мы думали, — сказал Янжек, выглядывая из штольни и обеими руками держась за шляпу.

Воры задумались.

— Как же быть? — нарушил молчание Чок.

— Я так и знал, что не будет нам сегодня удачи, — брюзжал Янжек. — Утром сова кричала, я слышал...

— Сегодня она, кажется, будет ухать над твоей могилой, — злился шофёр Вух. — Трусов, к твоему сведению, земля не держит.

— Может... может, наверху ещё и милиция, — заикаясь от страха, пролепетал Чок и втянул голову в плечи.

— А ну-ка помолчите, слушать тошно! — рявкнул Вух.

Наступило минутное молчание. На площадке тоже было тихо.

— Скажи же, что делать! — прошептал вдруг Чок.

— С площадки их не выкурить, это ясно.

— Ну и пусть себе сидят, ежели им там уютно, — сказал Вух и сладко улыбнулся. — Но они нас попомнят!

Янжек и Чок оторопело уставились на Вуха. Его сладенькая улыбочка не сулила ничего хорошего. С площадки не доносилось ни звука. Мирт и Алеш тоже замерли в ожидании.

— Машина уже полна, — сказал Вух. — Возьмём ещё по штуке и оставим в штольне. Пошли за мной!

Янжек и Чок послушно поплелись за шофёром. Вскоре они вернулись в зал. Вух нёс охапку влажной, гнилой соломы. Сложив её возле кучи, он отошёл в угол. Янжек и Чок молча за ним следили. На этот раз Вух принёс ворох старого, полуистлевшего тряпья и, бросив его на солому, снова исчез. Как одержимый, тащил он к куче всё, что попадало ему под руку.

— Сейчас увидите небольшое представление. — Он злорадно захохотал и взглянул на площадку.

— Недоброе дело ты затеял, — сказал Янжек.

— Хватит с нас того, что мы стали ворами, — убийцами не будем, — проворчал Чок.

— Ну и тещьте свои невинные души, — огрызнулся Вух. — Я знаю, что делаю.

И он начал вытаскивать из карманов бумагу. Подсунув бумагу под солому, Вух выпрямился и громко закричал в сторону площадки:

— Эй вы, герои, все, сколько вас там есть! Слушайте меня! Я не стану стаскивать вас с площадки, раз вам там нравится. Честное слово, не стану... Наоборот, я позабочусь о вас — разожгу здесь костёр, чтоб вы не замёрзли. Он будет себе тлеть потихоньку. Только чад от него пойдёт такой, что эта дыра за десять минут превратится в настоящую коптильню, ха-ха-ха... Прокоптитесь, как колбасы, ха-ха-ха... А станете задыхаться, позовите меня, я буду здесь неподалёку, ха-ха-ха...

Вух присел на корточки и поджёг бумагу от шахтёрской лампы. Бумага вспыхнула. Огонь сразу же перекинулся на солому. Едкий, удушливый дым поднялся над кучей, неторопливо дополз до стен и начал подбираться к площадке.

Убедившись в том, что тряпьё как следует загорелось, Вух встал и сказал:

— А теперь пошли. Больше нам здесь делать нечего. На славу попотчевали героев, ха-ха-ха...

Янжек и Чок немного помялись, глядя на площадку, но тут их одолел кашель, глаза заслезились от едкого дыма, и они на ощупь двинулись вслед за Вухом.

Глава шестнадцатая

ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ

Мирт и Алеш молча жались к стеке, с ужасом угадывая намерения Вуха. У ног их лежали приготовленные для обороны камни. Белко, жалобно скуля, всё теснее придвигался к Мирту. Как только воры ушли, Мирт зажёл фонарик. Теперь виден был чёрный дым, заполнявший собой всё вокруг.

Дым добрался уже до площадки, ел глаза и нос.

— Может, побежим за ними, пока не поздно? — предложил Алеш и сильно закашлялся.

— И припадём к их груди, моля о пощаде, — проворчал Мирт и, схватив обеими руками тяжёлый камень, со злобой швырнул его вниз.

— Тут оставаться нельзя... Задохнёмся. Костёр нам не погасить...

— Уйдём подальше, в вентиляционный ствол.

— Ладно.

Мирт взял Белко за ошейник и потащил за собой.

— Белко, как Петер, — сказал он, — всё делает наоборот.

Будь моя воля, отпустил бы его на все четыре стороны. Или задал бы ему хорошую трёпку.

— А я не виню его. Затосковал по Петеру. И вообще пусть Петер сам его наказывает, если он того заслуживает.

Ребята расположились в стволе. Белко виновато жался к их ногам.

— Где сейчас наши? — вслух подумал Алеш. — Они ведь давно ушли.

— Не беспокойся, выберутся.

Алеш немного помолчал.

— Знаешь, Мирт, может, мы зря не доверяем Петеру? Отец всегда говорит, что нет ничего обиднее недоверия.

— Нельзя же доверять всем и каждому... Вот, например, Вух и его подручные...

— Так-то так... Но Петер...

Дым настиг их и здесь. Не было такой силы, которая могла бы его остановить. Воздушный ствол притягивал его как магнит. Мирт и Алеш закашлялись. Белко тоже чихал.

— Идём дальше.

— Всё равно достанет.

Ребята подвинулись немного вперёд, но кашель не проходил. Дым до боли ел глаза. Разговаривать становилось всё труднее.

— Вот будет обидно, если вора́м удастся улизнуть, — сказал Алеш.

Мирт молчал. Глаза его были прикованы к собаке, забравшейся в крошечную, почти неприметную при тусклом свете фонаря пещерку.

— Смотри-ка, Белко нашёл себе новое убежище.

Алеш навёл на него фонарик. Белко, поджав хвост, сидел в углу пещерки. Весь вид его выражал покорность судьбе.

— Видно, дневник нам так и не найти... — вздохнул Алеш.

Но Мирт не отчаивался:

— Не найдём сегодня — буду искать завтра, послезавтра, всю жизнь... Никогда не забуду последнее свидание с отцом. Он один знал, что больше мы не увидимся. Это я понял только потом... А сколько веры было в его глазах, когда он рассказывал о спрятанном дневнике... Он не сомневался, что я примусь за поиски... И я никогда не прощу себе, если не выполню своего обещания.

На Мирта напал новый приступ кашля. То и дело прикладывал он ко рту носовой платок, но это не помогало. Ребята прислонились к скалистой стене и закрыли глаза. Вентиляционный ствол превратился в огромный дымоход.

Перед мысленным взором Мирта встали «герои смерти», ожила минута, когда он ступил на железнодорожный мост и лёг в «яму смерти». Что сейчас делают «герои»? Уже забыли его?

— Нечем дышать, — прошептал Алеш.

— Пошли дальше.

— Ладно, только позову Белко.

Алеш зажёл фонарик, Мирт, прижимая к губам платок, пробрался к собаке. В углублении, где едва ли мог поместиться взрослый человек, сидел, забившись в угол, Белко. Мирт протянул руку...

И в ту самую минуту, когда он брался за ошейник, рука его коснулась вделанной в стену доски.

— Иди сюда! — срывающимся от волнения голосом крикнул он Алешу.

Сощурив от дыма глаза, нетвёрдыми, путающимися шагами Алеш подошёл к товарищу.

Мирт сорвал дощечку. Глазам его открылась небольшая выемка.

— Нет, это просто невероятно!

Неужели счастье улыбнулось им?!

Так и есть! Они нашли тайник. Все послевоенные годы в нём пролежал дневник отца.

Не помня себя от радости, Мирт держал в руках дневник. Что им теперь чёрный дым, кашель, боль в глазах, головокружение и воров! Всё это отступило на второй план. Толстая тетрадка в твёрдой красной обложке была завернута в газетную бумагу. Итак, дневник остался цел и невредим, только немного отсырел. Мирт сразу узнал почерк отца.

— Отец же говорил, что спрятал его в углублении в стене, — бормотал он, лихорадочно перелистывая страницы.

Наконец он закрыл дневник и, счастливый, прижал его к груди. Влажными от слёз глазами смотрел он на товарища, тоже взволнованного великим открытием. Белко взирал на них с недоумением. Он так ничего и не понял. Не понял и тогда, когда Мирт ласково погладил его.

Мальчики сидели в пещере, потрясённые и обессиленные этой неожиданной радостью. Дым становился всё гуще...

...Когда воров под предводительством Вуха вышли из шахты, в глаза им ударил ослепительный дневной свет. И тут же раздался резкий окрик:

— Стой! Вы арестованы.

Железо выпало из рук Янжека и больно садануло его по ногам. Чок и Вух тоже бросили свою ношу. Все трое оторопело глазели на стоявшего у входа милиционера.

— Пошли, — приказал милиционер.

— И не вздумайте бежать, — добавил второй милиционер, которого они вначале не заметили.

Янжек и Чок стояли, уперев в землю неподвижные взгляды.

Вух судорожно сжал кулаки, сплюнул и злобно прошипел:

— Подлые сопляки...

— А ну вперёд! — поторапливал их милиционер. — И так ухлопали на вас уйму времени. Грешным делом думали, что парень разыграл нас.

Вдруг из-за дерева выскочил Петер и кинулся к начальнику милиции:

— Мои товарищи ещё в шахте! Надо сходить за ними!

Начальник взглянул сначала на Петера, потом на Вуха.

Вид Вуха не предвещал ничего хорошего.

— Уж не случилось ли с ними беды? — забеспокоился Петер.

— Не спускайте глаз с этих мерзавцев, — приказал начальник своим помощникам. — Я пойду с парнишкой в шахту... — И погрозил Вуху: — Горе вам, если с Травником и ребятами что-нибудь стряслось!

Вух не отвёл взгляда, только плотнее сжал губы и злорадно ухмыльнулся. Чок втянул голову в плечи. Янжек прятал лицо под огромной шляпой.

Петер побежал с начальником в шахту. Вскоре их окутал густой мрак. Петер шёл впереди с фонарём. Милиционер едва поспевал за ним.

— Полегче, парень, а то я потеряюсь...

Петер летел как на крыльях. Воры пойманы, и Мирт, Алеш и Травник должны как можно скорее об этом узнать. Ему не терпелось доложить им, что он с честью выполнил важное задание.

Вдруг Петер остановился и, замирая от страха, произнёс:

— Дым!..

— Точно... Дым... Это не к добру...

Ровно через секунду Петер снова ринулся вперёд. Милиционер тщетно просил его сбавить шаг. Вскоре он видел перед собой только слегка подрагивающий огонёк.

Внезапно Петер остановился. По стене сочилась вода.

— Товарищ начальник, сделайте, как я, — крикнул Петер, — смочите носовой платок! В какой-то книжке про войну написано, что это помогает.

Начальник послушно смочил платок. Вода была ледяная.

— Товарищ начальник, приложите платок ко рту — и за мной.

— Ну какой же я здесь начальник? — засмеялся он. — Мы с тобой давно уж поменялись ролями...

Вот и зал. Петер стал громко звать товарищей, но закашлялся и снова прикрыл рот платком.

— Мы были там, на площадке, — показал рукой Петер. — Смотрите, сколько здесь железного лома. Столько нахапали, что в один приём не увезти.

Начальник только головой качал.

— Алеш! Мирт! Товарищ Травник! — кричал Петер. — Э-ге-гей, Мирт!..

Петер и начальник прислушались.

Как будто кто-то ответил?

Кажется, кто-то завозился на площадке?

И тут в ушах у них глухо прозвучало:

— Мы здесь!..

Петер сразу узнал густой бас Травника.

Шатаясь от слабости, Мирт, Алеш и Травник вернулись на площадку.

— Петер! Мы нашли дневник! — грянуло вдруг на весь зал.

— Правда?! Ёлки-палки! — всхлипнул Петер и, широко раскинув руки, вихрем помчался к площадке.

Когда Мирт, Алеш и Травник спустились вниз, начальник сказал:

— А теперь пошли скорее, пока мы все здесь не задохнулись...

— Я только что вернулся к ребятам, — сказал Травник. — Из-за дыма едва дошёл.

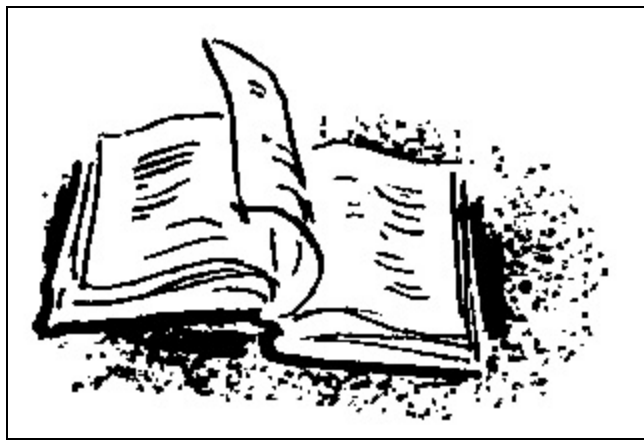
Вскоре начальник милиции, Мирт, Алеш и Петер стояли у входа, от света прикрывая ладонями глаза, всё ещё полные едкого дыма. У всех кружилась голова, ноги подкашивались от усталости и волнений.

Наконец начальник вытер слезившиеся глаза, отряхнул с пиджака пыль и подошёл к арестованным, понуро переминавшимся невдалеке под деревьями.

— Ну, голубчики, поверьте моему слову: за дым с вас спросим особо. — И, повернувшись к своим помощникам, распорядился: — Ведите. И позвоните на завод, чтоб послали за машиной...

Воры под конвоем милиционеров двинулись в путь.

— А мы немножко отдохнём, — сказал начальник оставшимся. — Для начала умоемся в ручье, а потом вы мне расскажете всё по порядку.

Глава семнадцатая

ДНЕВНИК

Всё уже давно умылись, один Мирт неподвижно сидел у входа в шахту. На коленях у него лежал дневник отца. Открыть его он не решался.

Белко, весело помахивая хвостом, бегал взад-вперёд.

— Настоящего парня послал я за вами, — говорил Травник начальнику милиции. — Другой на его месте не справился бы.

— По правде говоря, ваша записка меня как обухом по голове стукнула, — отозвался начальник. — Кто мог подумать, что у нас за спиной творятся такие дела.

— И вы не очень-то ей поверили, — улыбнулся Травник.

— Однако ж ваша подпись заставила нас поторопиться.

— Представляете, как мы испугались, когда собака вернулась, — продолжал Травник. — Я очень волновался за мальчишку. Теперь-то я могу в этом признаться. Потому я и бросился за ним вдогонку. Но, не догнав, понял, что он благополучно выбрался из шахты. И тут же пошёл назад, к Мирту и Алешу. Боялся, как бы воры не обнаружили их, пока я ходил. Как видите, всё так и вышло... Но вместе с тем меня ждал и приятный сюрприз. Ребята нашли дневник, который мы искали много лет... Так что сегодня у нас и впрямь большой праздник...

— Что правда, то правда. Ребята заслужили благодарность... А Петеру полагается награда...

Петер гордо расправил плечи, но тут же опустил их и стал смущённо поправлять волосы. А его друзья смотрели на него и вспоминали, как он однажды сказал, что ему никто не скажет спасибо, даже если он достанет звезду с неба.

— Покажешь дневник? — вдруг обратился он к Мирту, желая отвлечь внимание от своей персоны.

— Дневник в первую очередь принадлежит Мирту, — вмешался Травник, — а уж потом немножко и нам. Пусть сначала прочтёт его Мирт.

Петер потупился.

— Что ж, пошли, — предложил Травник. — Поздно уже. Дома подумают, что мы и впрямь определились в шахтёры.

— Я останусь, — сказал начальник милиции. — Покараулю машину.

Летнее солнце уже садилось, крыши Полянских домов постепенно погружались в тень. По дну бывшего озера стелился вечерний туман. В конце долины, точно гигантские потухшие сигары, вздымались в небо заводские трубы.

Травник шагал впереди, следом за ним шёл Мирт со своей драгоценной ношей.

Алеш и Петер немного отстали. Последним, высоко задрав голову и весело виляя хвостом, бежал Белко.

— Вылез я из шахты, — говорил Петер Растяпа, — и чуть не упал от усталости. И всё равно я был гордый и счастливый. Наверно, так же чувствуют себя бабочки, когда выходят из личинки, ха-ха-ха...

— Мы тоже вышли из личинки! — рассмеялся Алеш. — Ведь мы уж думали, что навек застряли в этой трубе.

— Но самое интересное было потом, когда я примчался в посёлок, — продолжал Петер. — Бегу я по улице и просто диву даюсь — чего это прохожие тарашатся на меня, как на чудо морское? Однако пускаться в расспросы некогда было. Прилетаю в милицию,

начальник сразу же мне в руки зеркало, и — веришь? — я еле на ногах устоял. Я был похож на трубочиста, который целый год не мылся, ха-ха-ха!.. — смеясь, рассказывал Петер.

— А мы благодаря Белко нашли дневник, — говорил Алеш. — И сразу забыли про всё на свете: про воров, про дым, про тебя и про отца...

— А потом мы пришли сюда и стали поджидать воров. На всякий случай спрятались. Видел бы ты, какие у них были физиономии, когда они увидели милиционера! Ну словно касторкой их напоили. Глаза вытаращили, будто привидение увидели, ха-ха-ха...

— Знаешь, Петер... — тихо сказал Алеш.

— Что?

— Мы изменили мнение о тебе...

— А если я опять стану растяпой?

— Ну и становись...

...На следующий день, в воскресенье, мама и тётя Кристина после обеда остались вдвоём. Они перемыли посуду, и на кухне воцарилась совершенно особенная, послеобеденная тишина.

— Куда это все запропастились? — вздохнула тётя Кристина.

Мама делала букет из роз — каждый день она ходила на могилу отца.

— Мирт наверху. Уже два дня напролёт читает дневник. Видно, хочет выучить его наизусть. Позову-ка его на кладбище... А Рушку я видела с отцом.

— С Лекшем? — удивилась тётя Кристина. — Знаешь, Ана, ведь он эти дни капли в рот не взял... Словно его подменили. Какое будет счастье, если он совсем бросит пить...

— А я так тревожилась за Мирта. Ходил как в воду опущенный, почти не ел... Надеюсь, теперь успокоится...

Наступило молчание. Обе женщины погрузились в свои мысли, в свои заботы.

Из раздумий их вывел стук в дверь. Не дожидаясь ответа, в кухню влетел Петер Растяпа и крикнул что было мочи:

— Здравствуйте!

— А, это ты! — сказала Ана. — Здравствуй... Как ты нас напугал.

— Но ведь я уже отмылся!

— Что?

— Мирт дома?

— Да.

— Можно к нему?

— Конечно.

Петер стрелой вылетел из кухни, но тут же вернулся и прокричал:

— Алеш с отцом тоже пришли! Сидят в саду.

Вскоре все собрались в саду под развесистой яблоней, где стояли стол и скамьи.

— Можно теперь и нам посмотреть дневник? — спросил Травник.

Мирт молча протянул ему тетрадь.

Дневник тихо переходил из рук в руки. Каждый осторожно перелистывал одну-две странички, быстро пробегая глазами по строчкам.

— У меня сейчас такое чувство, будто отец Мирта среди нас, — раздумчиво сказал Травник. И, немного помолчав, добавил: — Слушай-ка, Мирт, а что, если этот дневник

передать в музей...

Мирт печально посмотрел на него.

— Конечно, не сейчас, потом, — торопливо поправился Травник.

Раздались шаги. Все разом оглянулись. По тропинке шли Рушка, её отец и Марко.

— Ну, теперь все в сборе! — воскликнул Петер Растяпа. — И Марко с нами?

— Если хочешь, могу за него поручиться, — весело сказала Рушка.

— Не нужно, — возразил Алеш. — Мы и так про него всё знаем.

Дядя Лекш подсел к Травнику. Рушка прильнула к матери и тихонько зашептала ей на ухо:

— А мы с отцом ходили в лес... Я показала ему могилку Ласки...

На столе лежал раскрытый дневник. Ожившие страницы говорили:

«...Поляна, 23 мая 1944... Сегодня я узнал, что в далёкой Любляне у меня родился сын. Я, наверное, не увижу его до тех пор, пока не кончится эта страшная война... А может быть, и вообще не увижу. Поэтому передаю ему свой привет через дневник, который он прочтёт, когда вырастет и научится читать... Тогда будут иные времена, тогда будет мир...»

Зашумела склонившаяся над столом яблоня, зашумели другие деревья, потом ветер улетел в лес, а оттуда — в бескрайнюю даль...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

